

Всецерковный Соборъ и выборное начало въ Церкви.

Отъ группы Петербургскихъ священниковъ.

Отвѣтъ на записку преосвященнаго Антонія, епископа Во-
лынскаго и Житомирскаго ¹⁾.

Съ глубокою скорбію прочли мы „Первую отвѣтную до-
кладную записку Святѣйшему Правительствующему Синоду
епископа Волынскаго и Житомирскаго“, содержащую возра-
женія на записку группы Петербургскихъ священниковъ
„о составѣ церковнаго собора“. Тяжелъ и прискорбенъ без-
спорно и самый фактъ разномыслія въ столь близкомъ ка-
ждому и столь святомъ дѣлѣ; но еще тяжелѣе и еще при-
скорбнѣе порождаемое этимъ фактомъ сознаніе, что члены
Церкви очевидно утратили въ настоящее время самую спо-
собность понимать другъ друга, если не остановиться на
предположеніи, что они даже и не стремятся понимать другъ
друга, почитая себя довлѣющими самимъ себѣ. Преосвящен-
ный Антоній усматриваетъ въ запискѣ то, чего въ ней во-
все не имѣется, и въ то же время не видитъ того, что ка-
тегорично въ ней высказывается; читаетъ между строкъ и
пропускаетъ самыя строки; смѣшиваетъ ясно выраженныя
составителями записки пожеланія и стремленія съ стремле-
ніями, высказываемыми иными людьми и въ иномъ мѣстѣ.
Онъ упрекаетъ составителей записки въ декадентствѣ, пре-

¹⁾ Эта работа исполнена по порученію такъ называемой группы „32“
Петербургскихъ священниковъ, или точнѣе—„Союза Церковнаго Обновле-
нія“, членомъ Союза Н. П. Аксаковымъ, рассмотрѣна и одобрена въ Со-
бравіи Союза.

досудительномъ вольномыслии, протестантизмѣ, ирвингіанствѣ и пр., пользуется всѣми аргументами ad hominem и весьма мало говоритъ относящагося ad rem. Не можетъ, конечно, такой полемическій приемъ не породить крайне грустнаго чувства. Ревнующимъ о восстановленіи каноническаго строя церковной жизни почитаетъ онъ умѣстнымъ противопоставлять каноны, какъ будто каноны эти могутъ быть для нихъ неизвѣстными или опущенными безъ вниманія, какъ оставляются они безъ вниманія современною церковною практикою и составителями проектовъ церковнаго исправленія. Но не достаточно опираться на каноны, когда желаютъ заградить уста ближнему; не достаточно выписывать ихъ изъ „книги правилъ“; необходимо и понимать ихъ, и при томъ понимать именно такъ, какъ понимала и истолковывала эти каноны современная письменному изложенію ихъ церковная жизнь.

Возраженія преосвященнаго Антонія требуютъ отвѣта. Въ этомъ отвѣтѣ мы оставимъ, однако, безъ вниманія всѣ упреки, намеки и порицанія автора, не будемъ останавливаться на всемъ, что высказывается только мимоходомъ, попутно, и только существенное будемъ принимать въ соображеніе.

Еще разъ повторимъ, приступая къ труду отвѣта, что съ глубокою скорбью прочли мы записку преосвященнаго Антонія, свидѣтельствующую о томъ, что „слезь достойно настоящее наше состояніе; такъ далеко мы отторглись другъ отъ друга, между тѣмъ какъ надлежало бы изображать собою союзъ одного тѣла“... (Златоуста 18 бес. на 2 посл. къ Коринѣ.).

I.

Преосвященный Антоній отмѣчаетъ, что „авторы разбираемой имъ записки въ пользу „идеи о соборѣ изъ архіереевъ, священниковъ и мірянъ“ и въ защиту своихъ стремленій къ осуществленію этой идеи стремятся привести основанія библейскія и каноническія“. Неизмѣримо правильнѣе было бы сказать — „основанія новозавѣтныя“, и это не потому только, что ветхозавѣтныя основанія въ запискѣ вовсе и не приводятся, а потому, что, въ силу кореннаго существеннаго различія между ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ священствомъ, они и не могутъ быть приводимы безъ вреда

для чистоты понятія о новозавѣтномъ священствѣ. Вѣдь и Христось былъ первосвященникомъ по чину Мельхиседека, а не по чину Илія, Самуила и всего ряда преемниковъ ихъ до Анны и Каіафы включительно. Останавливаемся на этой неточности обозначенія основаній потому, что именно смѣшеніе понятій о ветхозавѣтномъ и новозавѣтномъ священствѣ и являлось нерѣдко въ исторіи восточной и западной церкви причиною уклоненія какъ пастырей, такъ и пасомыхъ отъ преподаннаго верховнымъ Пастыремъ образца. „Изъ рожденныхъ женами не возставалъ большій Іоанна Крестителя, но меньшій въ Царствіи Божіемъ больше его“ (Матѣ. XI, 11). Не надлежитъ и пастырямъ облекаться въ то, что свойственно было получавшимъ первосвященство по чину низшаго, чѣмъ меньшій въ Царствіи Божіемъ, и изъ основаній ихъ власти выводить такъ или иначе свою. „Древнее прошло—теперь все новое“. (2 Кор. V, 17).

„Библейскія (точнѣе новозавѣтныя) основанія составители записки“, по словамъ преосвященнаго Антонія, „стараются видѣть въ извѣстныхъ словахъ Апостола Павла о членахъ взаимно нуждающихся другъ къ другѣ: *не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ ненадобна* и проч. (1 Кор. 12 гл.) но какое отношеніе этихъ словъ къ участию мірянъ въ управленіи Церкви, это остается совершенно невыясненнымъ“. Утвержденіе это невѣрно; объясненіе этого отношенія въ запискѣ дано,—дано кратко, дано въ видѣ указанія, дано словами того же Апостола, ибо предполагалось, что для уясненія достаточно такого краткаго указанія. Но, если указанія этого недостаточно и при томъ даже для такого, освѣдомленнаго уже по самому сану своему съ строительствомъ церковнымъ лица, какъ преосвященный Антоній, мы готовы дать и болѣе полныя объясненія.

Не „о членахъ человѣческаго тѣла, взаимно нуждающихся другъ въ другѣ“, какъ читаемъ въ запискѣ преосвященнаго Антонія говорить прежде всего Апостолъ, а о Церкви, какъ тѣлѣ, которое живетъ, и дѣйствуетъ и существуетъ только при дѣйствіи въ свою мѣру cadaго члена и только благодаря этой общей, хотя и подраздѣленной многообразно дѣятельности всѣхъ членовъ, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви. (Ефес. IV, 16). Церковь утверждена, основана на камнѣ, отверженномъ нѣкогда зи-

ждушими, какъ непригодною для зданія, представлявшагося ихъ умамъ, но для земли не создана она разъ навсегда, не представляетъ изъ себя готоваго, законченнаго творенія, а созидается и будетъ созидаться въ мѣру дѣятельности каждаго изъ членовъ этого тѣла, къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія Тѣла Христова, доколѣ всѣ прійдемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова“ (Ефес. IV, 12—13). Никого изъ вѣрующихъ, составляющихъ и созидающихъ тѣло Церкви, не устраняетъ и не исключаетъ Апостоль отъ общаго зодческаго труда, призывая всѣхъ въ созиданію Церкви черезъ воздѣйствіе другъ на друга. „Увѣщайте другъ друга и назидайте“ т. е. надстраивайте (*οἰκοδομήσατε*) „другъ друга“, говоритъ Апостоль (I Тессал. V, 11). „Увѣщайте (*παροχαλεῖτε*) другъ друга каждый день, пока еще можно говорить“, наставляетъ тотъ же Апостоль (Евр. III, 13). „Служите другъ другу, говоритъ Апостоль Петръ, каждый тѣмъ даромъ, который получилъ, какъ добрые домостроители многоразличной благодати Господней; говоритъ ли кто, говори какъ слово Божіе; служить ли кто, служи по силѣ, какую даетъ ему Богъ“. (I Петр. IV, 10, 11). Итакъ, если Церковь созидаетъ себя во всей полнотѣ своихъ членовъ, созидаетъ себя и получаетъ приращеніе для созиданія себя въ любви и ни одинъ изъ членовъ Церкви, какъ тѣла, не устраненъ и не освобожденъ отъ общей работы домостроительства, то разумѣется и мірянинъ—человѣкъ народа, единица народа, что и обозначаетъ самое слово *λαϊκός*, не устраненъ отъ нея. Но что это за народъ, единицею котораго является мірянинъ. „Вы—родъ (*γένος*) избранный, царственное священство, языкъ (*ἔθνος*) святой, народъ приобрѣтаемый (*λαός εἰς περιποίησιν*), дабы взвѣщать совершенства Призвавшаго васъ изъ тьмы въ чудный свой свѣтъ“. (I Петра 11, 9).

„Не можетъ глазъ сказать рукъ: ты мнѣ ненадобна или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны“, разъясняетъ Апостоль. Если бы пастырь Церкви дерзнулъ сказать пасомымъ: вы нужны мнѣ, но нужны только, какъ управляемые мною, какъ просвѣщаемые, руководимые и наставляемые мною, то онъ утверждалъ бы какъ разъ то, что онъ нуженъ для нихъ, а самъ не нуждается въ нихъ и воздѣйствіи съ ихъ сто-

роны, т. е. говорилъ бы тоже, что—по Апостолу—не можетъ глазъ сказать рукѣ или голова ногамъ. Если бы тотъ же пастырь говорилъ: вы нужны мнѣ, но нужны только для воздѣйствія другъ на друга, какъ передающіе мое управленіе, руководствованіе и наставленіе, какъ орудія и органы моего дѣла, то опять онъ говорилъ бы именно то, что они нужны для себя и другъ для друга, но для него, какъ вѣрующаго, не представляють надобности. При томъ же, говоря такъ, и обращая пасомыхъ только въ свои орудія, пастырь обращалъ бы вѣрующихъ какъ бы въ органы и члены своего тѣла, можетъ быть подчиненнаго, а можетъ быть и не подчиненнаго волѣ Божественной Главы, лишая ихъ права и обязанности быть непосредственно живыми членами Тѣла Христова. Не такъ, совершенно не такъ, рассуждалъ Апостолъ. „Вы—Божія нива, говорить онъ, строеніе Божіе. Я по данной мнѣ благодати какъ мудрый первостроитель (*ἀρχιτέκτων*) положилъ основаніе, а другой на немъ надстроиваетъ (*ἐπικοδομεῖ*), но пусть блюдетъ каждый, какъ строить“. (I Кор. III, 10). Почитаеть ли Апостолъ слабѣйшіе члены менѣе необходимыми для домостроительства церковнаго? Придаетъ ли онъ имъ въ этомъ домостроительствѣ низшее, второстепенное значеніе? Совершенно наоборотъ. Именно тѣ члены тѣла, которые кажутся, но только кажутся слабѣйшими въ тѣлѣ, являются по словамъ Апостола—въ I Кор. 12 гл.—наиболѣе необходимыми. И тѣмъ, которые кажутся, но опять только кажутся менѣе полезными въ тѣлѣ, тѣмъ большую прилагаемъ мы честь. Таковы, конечно, въ естественномъ тѣлѣ органы питанія, дыханія, кровеобращенія и т. п. Греческое слово *τιμή* означаетъ и честь и цѣну. А потому можно истолковывать и въ томъ смыслѣ, что кажущимся менѣе цѣнными членамъ тѣла придаемъ мы большую цѣну. Какой же выводъ дѣлаеть Апостолъ изъ всего этого сравненія съ естественнымъ организмомъ. Богъ, говорить онъ, распредѣлил тѣло, давъ большую честь (или цѣну) *τῷ ὑστεροτέρῳ*, т. е. находящемуся позади, слабѣйшему, меньшему, дабы не было раздѣленій (*σχίσματα*) въ тѣлѣ, но ту же заботу оказывали члены другъ другу. Въ русскомъ переводѣ, подѣ влияніемъ какой то школы, понятія о большей необходимости и большей чести или цѣны, которыя, по слову Апостола, принадлежать кажу-

щимся слабѣйшими и менѣе благообразными членамъ живаго тѣла, церковнаго тѣла, замѣнены понятіемъ о необходимости большаго о нихъ попеченія со стороны, подразумевается, сильнѣйшихъ кажущихся болѣе благообразными. Но это вполне произвольное истолкованіе, вносимое въ текстъ, не только не имѣетъ оправданія въ греческомъ подлинникѣ, но безусловно противорѣчитъ какъ подлиннику, такъ и церковно-славянскому переводу. Мысль Апостола совершенно ясна. Церковь, какъ Тѣло Христово, создается, творится и опредѣляется совокупною дѣятельностью (*ἐνέργεια*) всѣхъ ея членовъ, при чемъ большая необходимость однихъ членовъ передъ другими является только кажущаяся, а не дѣйствительной, такъ какъ кажущіеся слабѣйшими болѣе необходимы для жизни тѣла, кажущіеся менѣе почетными (*ἀτιμότερα*) представляютъ большую честь, и кажущіеся неблагообразными обладаютъ вѣщимъ благообразіемъ, а потому да не будетъ распрей и разъединеній въ тѣлѣ. Церковь есть нераздѣлимое цѣлое, объединенное въ ростѣ своемъ и созиданіи дѣятельностью каждаго изъ своихъ членовъ, а потому, если страдаетъ одинъ членъ, страдаютъ и всѣ члены, т. е. страдаетъ и вся Церковь. Итакъ, если кто либо станетъ исповѣдывать ненужность, излишество участія мірянъ въ созиданіи и домостроительствѣ Церкви, онъ будетъ тѣмъ лишать Церковь одного изъ ея членовъ, а устраняя этого члена, онъ поставитъ всѣхъ членовъ и всю Церковь въ страдательное, недужное положеніе, парализуетъ ее.

Назначеніе всей Церкви, какъ полноты ея членовъ, созиданіе Тѣла Христова, доколѣ всѣ придемъ въ мужа совершенна, *въ мѣру* возраста Христова (Ефес. IV, 13); каждому же изъ насъ дана благодать *по мѣрѣ* дарованія Христова (Ефес. IV, 7), дана для того, чтобы мы истинствуя въ любви, возвращали все въ Того, Который есть Глава—Христосъ, „изъ Котораго все тѣло составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою *мѣру* каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви“ (Ефес. IV, 15, 16). Чему же противопоставляется *мѣра* благодати и *мѣра* дѣйствованія каждаго члена Церкви? Не мѣра благодати и дѣйствованія одного противопоставляется мѣрѣ благодати и истекающей изъ сего мѣрѣ дѣйствованія другого

члена, не мѣра благодати и дѣйствованія каждаго противупоставляется конечному состоянію Церкви—*мѣръ* возраста полноты Христовой. Неполнота осуществителей противупоставляется полнотѣ имѣющаго осуществиться. Нигдѣ не говоритъ Писаніе, чтобы *мѣра* дарованія Христова была ограниченою, неполной, ибо это противорѣчило бы словамъ: „просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцые и отверзется вамъ“. Напротивъ всегда говорится о преизбыточествѣ благодати, объ обогащеніи благодатію и принятіи всѣми отъ полноты Его и благодати на благодать (2 Кор. IX, 15, 8, Іоанна I, 16). Благодать дается каждому мѣрою полною и утрясенною (Лук. VI, 38), но и это только образное сравненіе; не мѣрою, т. е. не въ опредѣленномъ, не въ ограниченномъ размѣрѣ даетъ Богъ Духа (Іоанна III, 34). Итакъ, Апостоль говоритъ только о мѣрѣ осуществленія каждымъ распределяемаго въ вѣкахъ и неосуществляемаго однимъ поколѣніемъ дѣла созиданія и возрожденія Церкви въ мѣру возраста полноты Христовой, въ какомъ осуществленіи каждый вѣрующій, каждое поколѣніе и каждый вѣкъ дѣйствуютъ только въ свою мѣру, осуществляютъ только часть великой церковной задачи.

„Дары различны, а Духъ единъ и служенія различны, а Духъ единъ“, говоритъ Апостоль, устанавливая по аналогіи съ тѣломъ, что многообразны дары, но все это многообразіе требуется именно для полноты церковнаго тѣла, а потому обладающій однимъ даромъ не можетъ почитать обладающаго другимъ менѣе необходимымъ для тѣла, чѣмъ самъ онъ. Всѣ дары одинаково необходимы, ибо всѣ составляютъ проявленіе одного и того же Духа. Не говоритъ также Апостоль, чтобы обладающій однимъ даромъ не могъ обладать и другимъ и совершающій одно служеніе обязательно устранялся бы отъ другого. „И иныхъ, говоритъ Апостоль, Богъ поставилъ во-первыхъ Апостолами, во-вторыхъ пророками, въ третьихъ учителями, потомъ силы также дарованія исцѣлѣній, заступленія, правленія, роды языковъ. Всѣ ли апостолы? Всѣ ли пророки? Всѣ ли учителя? Всѣ ли чудотворцы и т. д. (1 Кор. XII, 28, 29). Но развѣ этими словами утверждается, что поставленный быть апостоломъ не можетъ и не долженъ уже обладать даромъ пророчества, служенія, исцѣленія, чудотворенія, правленія и т. д.? Тогда выходило

бы, что преемники Апостоловъ прежде всего устранены отъ участія въ управленіи Церковью, что само по себѣ немислимо. Но мы видимъ Апостоловъ и творящими чудеса, и учительствующими, и подающими исцѣленія, а Павла видимъ болѣе другихъ говорящимъ языками. На первыхъ же порахъ видимъ мы и Филиппа діакона и многихъ другихъ, не поставленныхъ видимо Апостолами, но совершающихъ апостольское служеніе. Далѣе, развѣ говоритъ Апостоль, что если ты обладаешь чудотворствомъ, то не стремись къ пророчеству или апостольству, хотя для этого требуются иные дары. Наоборотъ, онъ призываетъ радѣть о дарахъ большихъ, чѣмъ всѣ вышеисчисленные. Да и самое перечисленіе не представляетъ полноты, не свидѣтельствуетъ о томъ, что иныхъ даровъ и иныхъ служеній не можетъ и быть. Ранѣе въ той же главѣ того же Посланія Апостоль говоритъ еще о томъ, что одному дается Духомъ слово мудрости, другому—слово знанія, иному вѣра, иному различеніе духовъ и т. д. Заключать ли изъ сего, что получившій даръ слова мудрости или даръ знанія не можетъ и не долженъ учительствовать, а поставленный учителемъ не долженъ имѣть отдѣльныхъ дара мудрости или слова знанія? Заклучать ли изъ этого, что получившій не можетъ и не долженъ проявлять и свидѣтельствовать вѣру свою чудомъ, исцѣленіемъ, пророчествомъ и т. д.? Разумѣется нѣтъ. Апостоль говоритъ только то, что никто не долженъ превозноситься своимъ даромъ, какъ болѣе другихъ необходимымъ для Церкви, не долженъ пренебрегать другими дарами, какъ для него и для Церкви излишними, ибо многообразнаго служенія требуетъ Церковь, а сообразно тому многообразны и распредѣляемые Духомъ для служенія этого дары. Не надо изъ словъ Апостола выводить того, чего вовсе въ нихъ не заключается и что отнюдь не вытекаетъ изъ нихъ, но необходимо обратить вниманіе на то, что, по прямому смыслу апостольскихъ словъ, въ Церкви не имѣется членовъ, не получающихъ никакого дара, не имѣющихъ никакого служенія. Между тѣмъ если бы въ Церкви наряду съ дѣятельными, правящими членами существовали не только отдѣльные члены, но цѣлый классъ членовъ, составляющій значительное ея большинство и призванный только къ тому, чтобы быть управляемымъ, быть поучаемымъ, быть руководимымъ

и по отношенію къ Церкви быть только страдательнымъ элементомъ, то не могъ бы умолчать объ этой значительной части церковнаго тѣла Апостолъ, какъ не могло бы умолчать о немъ и все Новозавѣтное Писаніе. Но Апостолы не только молчатъ объ этомъ, но говорятъ совершенно наоборотъ, что *Церковь создается и опредѣляется взаимодействіемъ всѣхъ своихъ членовъ, изъ коихъ каждый по отношенію къ Церкви призванъ быть „добрымъ домостроителемъ многообразной благодати Божіей“* (1 Петр. IV 10).

Домостроительство въ Церкви отлично ли по существу отъ управления Церковью, если только можетъ вообще быть рѣчь объ „управленіи“ Церковью и объ „управляющихъ“ въ Церкви. Прежде всего и Апостолъ въ приведенныхъ выше словахъ говоритъ не о домостроителяхъ, а о домоправителяхъ (*οἰκονόμοι*, а не *οἰκοδόμοι*). Къ тому же развѣ можетъ быть управление Церковью, отлично отъ проповѣдыванія, увѣщанія, наставленія, служенія ближнимъ, совершенія многообразныхъ дѣлъ любви, которою создается и направляется Церковь. Величайшее зло для Церкви причиняетъ перенесеніе на нее и примѣненіе къ ней строя понятій, относящихся къ внѣшнему, государственному управленію. Самъ Христосъ указалъ на коренное, существенное различіе этихъ двухъ строевъ и на полную непримѣнимость строя, свойственнаго государству, къ жизнедѣятельности Церкви и къ дѣлу Церкви. „Цари народовъ, говоритъ Онъ, господствуютъ надъ ними (*κυριεῦσιν αὐτῶν*) и властвующие надъ ними (*ἐξουσιάζοντες αὐτῶν*) благодателями называются; а вы не такъ; но большій изъ васъ да будетъ какъ меньшій и ведущій (*ἡγούμενος*) какъ служащій“ (Лук. XXII 25). То же отличіе проводить и Апостолъ Петръ въ своемъ посланіи: „Пастырей вашихъ умоляю я какъ сопастырь и свидѣтель страданій Христовыхъ.... Пасите Божіе стадо..., не господствуя надъ удѣломъ, но становясь примѣрами стаду“ (1 Петр. V, 1—3). Каковъ бы ни былъ строй государственнаго управленія, онъ зиждется на власти, опирается на власть, ибо не можетъ довольствоваться и удовлетворяться однимъ только добровольнымъ согласіемъ подвѣдомственныхъ ему лицъ, дѣйствовать на нихъ только свободнымъ убѣжденіемъ. Каковъ бы ни былъ государственный строй, онъ необходимо выдвигаетъ лицъ, облеченныхъ властью, систематически подчиненныхъ

или соподчиненныхъ другъ другу для осуществленія воли цѣлаго надъ каждою изъ составляющихъ это цѣлое единицъ, когда они своими дѣйствіями идутъ наперекоръ воли цѣлому, въ ущербъ цѣлому, или отдѣльнымъ единицамъ. Каковъ бы ни былъ строй государственнаго управленія, необходимые для него, по самому существу задачи, правители являются или по крайней мѣрѣ подразумѣваются въ качествѣ уполномоченныхъ цѣлаго, передающаго имъ свою власть; въ дѣйствительности или фиктивно правители являются представителями цѣлаго, пассивно или активно, прямо или косвенно вручающаго имъ власть. Нѣчто совершенно иное и совершенно отличное по своему строю представляетъ Церковь. Въ ней нѣтъ мѣста принуждающей и приневоливающей, хотя бы и въ исключительныхъ только случаяхъ, власти, безъ которой по существу своему немислимо государство, ибо Церковь—область свободы и самоопредѣленія—и кончается тамъ, гдѣ начинается свое дѣйствіе какая бы то ни было принудительная сила. Не будучи сама властью, какъ принуждающею силой, Церковь не имѣетъ ни властей, ни правителей, въ мірскомъ употребленіи этихъ словъ, ибо не только допускаетъ, но и жаждетъ полноты свободнаго самоопредѣленія каждого и все, что не является плодомъ свободнаго самоопредѣленія, не имѣетъ для нея ни цѣны, ни заслуги. Въ Церкви нѣтъ начальствующихъ и подчиненныхъ, ибо всѣ въ Церкви одинаково соподчинены Христу, который и Самъ дѣйствуетъ не приневоливающей властью, какъ подобаетъ правителю, но властью возвышающаго образца и примѣра, и, по чудному слову Аѳанасія Великаго, не насильно врывается въ душу, но только стучится и просится въ душу съ кроткими словами Пѣсни Пѣсней: „душа Моя, невѣста Моя. Отвори. Впустиятъ Его и Онъ входитъ; не впустиятъ и въ сторонѣ остается Онъ“. Въ Церкви нѣтъ уполномоченныхъ и въ силу того облеченныхъ властью, ибо нельзя давать полномочія на дѣло собственной совѣсти и самоопредѣленія, которыя одни имѣютъ значеніе въ Церкви. Сообразно сему, во всѣхъ памятникахъ церковной древности никогда не говорится ни о князьяхъ, архонтахъ, ипархахъ, управителяхъ или начальникахъ церквей, но всегда говорится только о предстоящихъ (*προεστώτες, προϊστάμενοι*); выраженія: начальники, правители встрѣчаются преимущест-

венно только въ переводахъ, да иногда въ памятникахъ уже византійской литературы.

Изъ всего вышеизложеннаго можно, кажется, съ достаточною основательностью убѣдиться, въ томъ, что ученіе Апостола о Церкви, какъ тѣлѣ Христовѣ, созидающемся только при дѣйствіи въ свою мѣру cadaго изъ ея членовъ, въ качествѣ добраго домостроителя (собственно домоправителя—*οἰκονόμος*) многоразличной благодати Божіей, всецѣло исключаетъ всякую возможность устраненности церковнаго народа и мірянъ, его составляющихъ, отъ дѣла церковнаго управленія. Но, если мірянинъ не можетъ быть устраненъ отъ дѣла церковнаго управленія или, точнѣе, церковнаго самоуправленія, то онъ не можетъ быть принципиально устраненъ и отъ собора, какъ органа этого управленія или самоуправления.

Кажется, все ясно и въ дальнѣйшемъ доказательствѣ не нуждается. Но преосвященный Антоній указываетъ, что именно это указаніе Апостола на различное значеніе членовъ одного и того же тѣла и служить для соборнаго правила, опирающагося при томъ на авторитетъ одного изъ отцовъ Церкви, основаніемъ для совершенно противоположнаго заключенія. Рѣчь идетъ о 64-мъ правилѣ Трульскаго собора. Но правило это говоритъ объ учительствѣ мірянъ, а не объ участіи ихъ въ жизнедѣятельности Церкви и въ частности въ ея управленіи. Строго говоря правило это подразумѣваетъ даже не учительство, въ собственномъ значеніи этого слова, а публичное разглагольствованіе на религіозныя темы, что явствуется изъ самого воспрещенія „двигать слово—*λόγον κινεῖν*“. Но самое содержаніе правила представляетъ только вступленіе къ словамъ Григорія Богослова, въ немъ приводимымъ. Слова эти взяты изъ проповѣди Св. Отца „о томъ, что не всѣмъ и не всякое время подобаетъ разсуждать о божественныхъ предметахъ“ (Творенія, III. Слово 32). О чемъ же говоритъ проповѣдникъ? Онъ говоритъ о легкомыслии, съ которымъ зачастую ведутся многими бесѣды о догматахъ, о происходящихъ отъ сего ересьяхъ и распряхъ; онъ говоритъ, что не словомъ и не проповѣдью только достигается личное спасеніе и благо Церкви, что не всѣ должны говорить, а только знающіе о чемъ говорить, посвящавшіе себя труду подготовки, да и то если представляется

необходимость говорить и т. д. Выводить ли онъ, что никогда никто кромѣ пастыря и ни въ какомъ случаѣ не долженъ учить? Нѣтъ, такого вывода не дѣлаетъ онъ. Приведемъ слова его, часть которыхъ включена въ правило. „Говорить о Богѣ—великое дѣло; но гораздо больше—очищать себя для Бога... Учить дѣло великое, но учиться—дѣло безопасное. Для чего представляешь изъ себя пастыря, когда ты овца. Для чего дѣлаешься головой, когда ты нога. Для чего берешься предводительствовать войскомъ, когда поставленъ въ ряду воиновъ. Для чего гоняешься на морѣ за великими и сомнительными выгодами, когда можешь безопасно воздѣлывать землю, хотя и съ меньшимъ приобрѣтеніемъ. И если ты о Христѣ мужъ, чувства у тебя обучены и имѣешь ясный свѣтъ вѣдѣнія, то вѣщай Божію премудрость, глаголемую въ совершенныхъ и въ тайнѣ сокровенную... Ибо что имѣешь самъ отъ себя, чего бы не было дано, или чего бы ты не получалъ. Если же ты еще младенецъ, если долу влечешься умомъ, и не имѣешь силъ взойти къ познаніямъ высшимъ, то будь коринѳяниномъ, питайся млекою. Для чего требуешь твердую пищу, которую члены твои, по немощи, не въ состояніи еще употребить и сдѣлать варимою. *Говори*, когда имѣешь нѣчто лучшее молчанія; но люби безмолвіе, гдѣ молчаніе лучше слова: ты знаешь, что похвально заповѣдать чинъ устамъ: объ иномъ говорить, иное только слушать, иное одобрять, а другое отвергать, но безъ огорченія“ (стр. 119).

II.

Преосвященный Антоній изъ всѣхъ указаній на участіе мірянъ и священнослужителей на соборахъ, данныхъ въ запискѣ Петербургскихъ священниковъ, согласенъ придавать нѣкоторое значеніе только указанію на Апостольскій соборъ въ Іерусалимѣ, направившій посланіе свое въ Антиохію отъ имени „апостоловъ, пресвитеровъ и братій“. Благоразумно придаетъ преосвященный Антоній этому указанію только *нѣкоторое* значеніе, хотя отказъ его признавать полноту значенія является далеко не достаточно обоснованнымъ. Апостолы не могли же передать и заповѣдать Церкви иной порядокъ, какъ тотъ, которымъ руководствовались они сами, а Церковь не могла бы установить и узаконить отъ себя

инаго порядка, кромѣ того, который отъ апостоловъ ей указанъ. Такимъ образомъ, если придавать указанію не *нѣкоторое*, не ограниченное, а полное и безусловное значеніе, то спора объ участіи священнослужителей и мірянъ на соборахъ не можетъ и быть, и вопросъ представляется рѣшеннымъ безповоротно. Для Церкви, какъ зиждущейся на Апостольскомъ преданіи, указаніе на примѣръ Апостольскій должно представляться болѣе, чѣмъ достаточнымъ и всѣ иныя указательства становятся уже излишними. Почему же преосвященный Антоній придаетъ этому указанію отнюдь не рѣшающее, а только *нѣкоторое* значеніе. „Во первыхъ, говоритъ онъ, совершенно не видно, было ли сіе упоминаніе (т. е. упоминаніе въ посланіи объ „апостолахъ, пресвитерахъ и братіяхъ“, Дѣян. XV, 23) перечисленіемъ полномочныхъ членовъ сбора или просто ссылкой на одобреніе народа“. Прежде всего спросимъ у преосвященнаго Антонія: говорили ли Апостолы вообще по столь существеннымъ вопросамъ, какъ предложенный имъ изъ Антиохіи, слова излишнія и пустяки, а потому умѣстно ли было бы съ ихъ стороны указаніе Антиохійской церкви на согласіе съ рѣшеніемъ ихъ „сбравшагося послушать ихъ народа“, если бы народа этого при обсужденіи ихъ могло бы вовсе не присутствовать, а согласіе или несогласіе его съ рѣшеніемъ представлялось бы дѣломъ не только не существеннымъ, но и совершенно даже безразличнымъ? Если же Апостолы въ посланіи и постановленіи не могли употребить совершенно излишняго и празднаго слова, то слѣдовательно указаніе на одобреніе рѣшенія ихъ народомъ не могло представляться излишнимъ для нихъ и не можетъ представляться излишнимъ и для Антиохійской церкви, къ которой направляется посланіе, а потому въ толкованіи преосвященнаго Антонія указаніе на Иерусалимскій соборъ получаетъ только еще большую силу и еще большее значеніе. Но предположеніе владыки, что упоминаніе о „братіяхъ“ въ Апостольскомъ посланіи можетъ быть только „ссылкою на одобреніе народа, сбравшагося послушать Апостоловъ“, прежде всего совершенно недопустимо, какъ несогласное съ изложеннымъ въ Дѣяніяхъ повѣствованіемъ.

„Нѣкоторые пришедшіе изъ Іудеи, учили братьевъ“ и т. д. „Послѣ возникшей распри и немалаго разслѣдованія опредѣ-

лили (*ἔταξαν*) Павлу и Варнаву и другимъ изъ нихъ идти для вопрошанія о семъ къ Апостоламъ и пресвитерамъ въ Иерусалимъ“. (I, 2). Кто же опредѣлилъ Павлу и Варнаву и другимъ идти для вопрошанія? Очевидно никто иной какъ братія, о которыхъ только что была рѣчь; другими словами постановила вся Церковь, въ которой участвовала вся братія. „Прибывши же въ Иерусалимъ они были приняты Церковью, Апостолами и пресвитерами, и возвѣстили, что Богъ совершилъ вмѣстѣ съ ними“. Кому возвѣстили они? Апостоламъ, пресвитерамъ и Церкви, ибо, если бы не освѣдомлена была Церковь, то не могли бы возстать и нѣкоторые увѣровавшіе изъ ереси фарисеевъ, говоря...“ Собрались же Апостолы и пресвитеры для разсмотрѣнія сего дѣла“. Что они собрались не одни, видно изъ того, что въ собраніи было „множество“ (12), а далѣе въ повѣствованіи упоминается не о Церкви вообще, но о всей Церкви (22). И что же эта Церковь все время молчала во всей своей совокупности, внимая только словамъ Апостоловъ и выжидая ихъ рѣшенія? Нѣтъ. Рѣчи Петра предшествовало многое изслѣдованіе (*ἱστορία*), а какъ стоитъ въ громадномъ большинствѣ списковъ, хотя и не древнѣйшихъ (каковъ Синайскій, Ватиканскій и Александрійскій, имѣющіе преимущество древности, а не какое либо церковное преимущество), но именно списковъ особенно принадлежащихъ къ употребленію греческой Церкви,—совмѣстное изслѣдованіе (*συνῆγησις*), какъ читаетъ и Златоустъ. На исконность такого чтенія можно расчитывать во-первыхъ потому, что такъ стоитъ въ палимпсестѣ Ефрема Сирина (V вѣка) и Кембриджскомъ спискѣ, который хотя и принадлежитъ VI вѣку, но по общему заключенію ученыхъ сдѣланъ со списковъ особенно древнихъ. Кромѣ того отъ переписчика гораздо естественнѣе ожидать не уничтожающаго смыслъ сокращенія, чѣмъ прибавки слога, и замѣны болѣе употребительнаго слова менѣе употребительнымъ; намѣренное же измѣненіе смысла въ тѣ времена представлялось бы совершенно безцѣльнымъ, ибо, какъ убѣдимся мы далѣе, соперничества между народомъ и клиромъ въ тѣ времена не существовало. Но допустимъ, что рѣчь идетъ не о „совмѣстномъ“, а о простомъ разслѣдованіи или разысканіи. Есть ли хотя малѣйшее основаніе предполагать, что его производили только Апостолы или только Апо-

стола и пресвитеры? Совершенно наоборотъ, если бы разслѣдовали и говорили Апостолы, то врядъ ли повѣствователь умолчалъ бы всецѣло о высказываемомъ ими и ограничился бы только сообщеніемъ рѣчей Петра и Іакова. Вопросъ возбужденъ былъ въ Іерусалимской Церкви, какъ и въ Антиохійской не Апостолами, а братьями; тамъ—пришедшими изъ Іудей, здѣсь—увѣровавшими изъ секты фарисеевъ. Повѣствователь прямо говоритъ, что множество замолчало только тогда, когда произнесъ Петръ свою рѣчь: значить до его рѣчи оно не молчало, какъ не молчало, вѣроятно, и послѣ приводимыхъ въ Дѣяніяхъ рѣчей Апостоловъ, ибо иначе Апостолы не могли бы ссылаться на одобреніе народа, разъ оно не было бы выражено. Какъ смотритъ дѣписатель на состоявшееся рѣшеніе? Отъ чьего имени передаетъ онъ его. „Изволилось, говоритъ онъ, Апостоламъ и пресвитерамъ со всею Церковью“, и это говоритъ не только дѣписатель, но и сами Апостолы въ соборномъ посланіи. Какъ же могли бы увѣдать Апостолы объ изволеніи всей Церкви, въ которую входитъ церковный народъ, если бы вся Церковь молчала, и какъ же могли бы свидѣтельствовать они объ этомъ всеобщемъ изволеніи, если бы Церковь оставалась безгласна?! Какъ могли бы они сообщать въ Антиохію о томъ, чего не было! Въ самый день собора или по крайней мѣрѣ наканунѣ его были и въ Іерусалимской Церкви люди, убѣжденные, что язычниковъ подобаетъ подвергать обрѣзанію, что законъ Моисеевъ долженъ быть ими соблюдаемъ, а потому Апостолы не могли бы говорить объ изволеніи „всей Церкви“, если бы эти виновники разсмотрѣнія не заявили бы, что подъ вліяніемъ ли сообщенія Варнавы и Павла, подъ вліяніемъ ли рѣчей Петра и Іакова или подъ впечатлѣніемъ произведеннаго многоаго разысканія, они отрѣшаются отъ прежняго своего убѣжденія и присоединяются къ общему изволенію, придя къ единодушію послѣ прежде бывшаго раздвоенія.

Обратимся наконецъ къ самому посланію. Кто рѣшилъ отправить его? „Апостолы и пресвитеры со всею Церковью“. Кто избираетъ изъ среды себя людей, отправляемыхъ въ Антиохію? „Апостолы, пресвитеры и вся Церковь“. Кто пишетъ посланіе къ братьямъ въ Антиохію? „Апостолы, пресвитеры и братья“. Что оповѣщаютъ они въ Антиохію?

„Изволилось намъ (т. е. Апостоламъ, пресвитерамъ и братіямъ), ставшимъ единодушными, послать къ вамъ Іуду и Силу“. Ставшимъ единодушными—*ἑνωμένοις ὁμοθυμαδόν*. Не прежде посылаетъ Іерусалимская Церковь, какъ уничтоживъ въ самой себѣ раздвоеніе, придя къ единодушію вмѣсто прежде бывшаго раздвоенія, о чемъ заявляетъ Антиохійцамъ. Тѣ же *мы*, отъ которыхъ пришли смутившіе васъ, теперь, придя къ единодушію посылаемъ къ вамъ избранныхъ *нами* вмѣстѣ съ Варнавою и Павломъ, ибо изволилось Духу Святому и тѣмъ же *намъ*, т. е. Апостоламъ, пресвитерамъ и братіямъ, которые пишутъ теперь посланіе.

Итакъ, точно также, какъ нельзя отрицать солнца, когда оно блещетъ на небѣ, нельзя отрицать и нераздѣльности Церкви въ первомъ ея соборномъ дѣяніи, засвидѣтельствовавшей чуть ли не каждую строкой священнаго повѣствователя. Сообща принимаетъ пришедшихъ вся Церковь, сообща выслушиваетъ ихъ, сообща производитъ разслѣдованіе или разысканіе, сообща приходитъ къ единодушію, сообща останавливается на общемъ рѣшеніи, сообща избираетъ людей, имѣющихъ свидѣтельствомъ своимъ разсвѣять въ Антиохіи смуту, возникшую какъ плодъ бывшаго въ самомъ Іерусалимѣ несогласія и раздвоенія, ибо изъ Іудеи (отъ „насъ“) пришли смутившіе; сообща убѣждается она что изволеніе ихъ уже подсказано изволеніемъ Духа Святаго, уже ранѣе, по свидѣтельству, какъ Павла такъ и Петра, соблаговолившаго излиться на необрѣзанныхъ, какъ и на обрѣзанныхъ, на соблюдающихъ законъ Моисеевъ, какъ и на не соблюдающихъ его, сообща, отъ всей единодушной и нераздѣльной своей полноты, отправляетъ она посланіе свое въ Антиохію. Какого же еще свидѣтельства и указанія, слѣдуетъ искать намъ, разъ мы имѣемъ свидѣтельство самихъ Апостоловъ, объ участіи всей нераздѣльной и нераздѣлимой Церкви въ первомъ же соборномъ ея дѣяніи, разъ мы застаемъ апостольское преданіе въ самомъ его первоисточникѣ и не нуждаемся въ подтвержденіи его позднѣйшими воспріемниками этого преданія? Еслибы въ послѣдствіи соблюдалось иное, еслибы преемники апостольскаго служенія преданѣренно отступали отъ преподаннаго Апостолами образца, мы должны были бы почитать ихъ нарушителями апостольскаго преданія отступниками отъ него. Благодатію Божіей

мы не видимъ этого на первыхъ же страницахъ церковной исторіи и съ радостью и благоговѣніемъ отмѣчаемъ примѣры точнаго слѣдованія апостольскому образцу на первыхъ же порахъ жизнедѣятельности церковной. Скудны и немногочисленны эти примѣры по скудости памятниковъ церковной жизни, до насъ сохранившихся. Но они могли бы и совсѣмъ отсутствовать и это отсутствіе не имѣло бы сколько либо существеннаго значенія, разъ сохранился самъ узаконяющій на всѣ вѣки апостольскій образецъ, выражающій въ этомъ отношеніи всю полноту апостольскаго преданія.

„Главнымъ же образомъ, продолжаетъ преосвященный Антоній, неумѣстность сей ссылки (т. е. ссылки на апостольскій соборъ и на рѣшающее участіе въ немъ апостоловъ, пресвитеровъ и братьевъ) обнаруживается напоминаніемъ существеннаго различія первыхъ христіанъ съ послѣдующими поколѣніями“. Не можемъ не согласиться съ напоминаніемъ почтеннаго автора записки, хотя не соглашаемся безусловно съ выводомъ, который онъ изъ него дѣлаетъ, какъ съ выводомъ логически неправильнымъ и вполнѣ произвольнымъ. Да! Современные міряне не тѣ уже братія, какіе были во времена Апостоловъ; паденіе нравовъ коснулось ихъ. Но развѣ вполнѣ чуждъ несовершенства или по крайней мѣрѣ заблужденій былъ и церковный народъ во времена Апостоловъ. Мы видимъ, что нѣкоторые, увѣровавшіе изъ фарисеевъ считали христіанство обусловленнымъ исполненіемъ всѣхъ требованій закона Моисеева, а посланія Апостола Павла свидѣтельствуютъ намъ, что такіе полухристіане повсюду полагали препоны его проповѣди благовѣствованія, вносили смуту и раздоръ въ возникающія по пути его церкви. Да! Пресвитеры апостольскихъ временъ стояли выше, чѣмъ значительное большинство современныхъ священнослужителей, но вѣдь и тогда не было, да и не могло быть полнаго отсутствія недостойныхъ. „Я писалъ церкви, свидѣтельствуетъ Апостоль Іоаннь, но первенстволюбецъ ихъ Діотрефъ не принимаетъ насъ; посему если я приду, то напомню о дѣлахъ, которыя онъ дѣлаетъ“ и т. д. (3 Іоан., 9, 10). Да! современные священнослужители и міряне не стоятъ на одинаковой высотѣ съ священнослужителями и мірянами временъ апостольскихъ; но развѣ ихъ однихъ коснулось церковное пониженіе? Развѣ современные епископы неиз-

мѣнно стоять на одномъ нравственномъ и религіозномъ уровнѣ съ Апостолами? Рѣшится ли сказать это преосвященный авторъ? Правда, въ тѣ времена міряне имѣли даръ пророчества и даръ языковъ, которыхъ не имѣютъ при теперешнемъ упадкѣ нравовъ, о коемъ свидѣтельствуется преосвященный Антоній. Но вѣдь тогда и руками Апостоловъ совершались въ народѣ многія знаменія и чудеса, чего не дѣлаютъ современные епископы. Тогда вѣрующіе выносили больныхъ на улицы, дабы хоть тѣнь проходящаго Петра осѣнила кого изъ нихъ, а нынѣ пасомые никогда и не видятъ тѣни своего епископа, да и самъ епископъ видитъ ее развѣ только на дачныхъ своихъ прогулкахъ. Но мы не станемъ останавливаться на несовершенствѣ современныхъ, епископовъ ибо не намѣриваемся судить ихъ. Недостоинства и церковныя преступленія высшей іерархіи болѣе засвидѣтельствованы устами святыхъ отцовъ Церкви, чѣмъ грѣхи и несовершенства остальныхъ членовъ церковнаго тѣла,—засвидѣльствованы не потому, чтобы они были больше и значительнѣе, а потому, что они были опаснѣе для Церкви и влекли за собою большую отвѣтственность. Да прочтеть преосвященный писатель поэму Григорія Богослова о современныхъ ему епископахъ. Да припомнить онъ хотя бы слѣдующія слова того же Св. Отца изъ похвальнаго слова его Аѳанасію Великому. „Пастыри, говоритъ онъ, поступаютъ безумно; они, говоря словами Писанія, опустошили виноградъ Мой, т. е. Церковь Божію, стоившую такъ много труда и крови до Иисуса Христа и послѣ него. Они обезчестили ее, позабывъ о страданіяхъ Богочеловѣка. Всѣ они принаровлялись ко времени, за исключеніемъ малаго числа людей, которыхъ презирали они за ихъ ничтожность, или которые имѣли достаточно храбрости, чтобы сопротивляться потоку. Эти послѣдніе были какъ бы корнями, изъ которыхъ долженъ былъ ожить Израиль. Разница же между первыми заключалась только въ томъ, что одни раньше поддавались обману, а другіе позднѣе попадали въ западню. Они позволяли прельщать себя надеждами или побѣждать себя страхомъ. То ласка подкупала ихъ, то по невѣжеству грѣшили они. Таково было легчайшее и наиболѣе извинительное преступленіе, если только можно извинять такимъ образомъ людей, обязанныхъ быть вождями народа“ (Творенія, II, 160; ср.

греч. текстъ). Да припомнить авторъ разбираемой записки, что во времена аrianства Церковь въ лицѣ всей почти высшей своей іерархіи оказалась аrianствующей, во времена моноелитства—моноелитствующей, во времена иконоборцевъ—иконаборствующей и во времена такъ называемой Ѳеодоромъ Студитомъ „прелюбодѣйной ереси“, исповѣдававшей, что одни нравственныя требованія можно предъявлять ко всѣмъ пребывающемъ въ государствѣ послѣдователямъ Христа, а другіе къ главамъ этого государства—исповѣдующей это возмутительное растлѣніе. Да припомнить же все это достопочтенный авторъ и, припомнивъ, да поставитъ самому себѣ вопросъ: не избѣгъ ли бы виноградникъ Христовъ всего этого страшнаго ряда опустошеній, еслибы пастыри церквей въ дѣйствіяхъ своихъ не отрѣшались ни отъ сонма своихъ сопресвитеровъ, ни отъ ввѣренныхъ имъ словесныхъ овецъ словеснаго стада Христова. Святые отцы очевидцы свидѣтельствуютъ намъ, что святѣе были уши народа, чѣмъ сердца первосвященниковъ—*sanciores aures populi, quam corda sacerdotum*, что народы—судіи (*populi iudices*) и судъ народа—(*judicium populi*) нерѣдко удерживали епископовъ отъ открытаго признанія ересей. Если же Апостолы, хотя и не нуждавшіеся въ поддержкѣ и одобреніи со стороны церковнаго народа и своихъ сопресвитеровъ, не пренебрегали и не гнушались содѣйствіемъ ихъ, но почитали его необходимымъ для сохраненія или возстановленія единодушія Церквей, то неизмѣримо слабѣйшіе преемники ихъ служенія прямо нуждаются ради церковнаго блага въ этихъ содѣйствіи и поддержкѣ, ибо безъ нихъ, въ своемъ отрѣшенномъ одиночествѣ, „то ласкою, то общаніемъ“, о которыхъ говоритъ Григорій Назіанзинъ, легко могутъ быть отклоняемы отъ истиннаго пути, вовлекая церкви въ опустошеніе.

Послѣднюю попытку епископа Антонія ослабить или обратитъ въ ничто свидѣтельство апостольскаго собора представляетъ попытка такъ называемаго *deductio ad absurdum*. „Если при теперешнемъ упадкѣ нравовъ требовать полнаго возстановленія практики первенствующей Церкви, говоритъ онъ, то должно предоставить мірянамъ возлагать руки на епископовъ передъ отправленіемъ ихъ на проповѣдь, какъ возлагали Аятіохійцы на Павла и Варнаву“. Что же тутъ стран-

наго и несообразнаго? Вѣдь не можемъ же предполагать почтенный авторъ, что наложеніе рукъ, о которомъ идетъ въ настоящемъ случаѣ рѣчь, совершенное при томъ не Антиохійцами, а только нѣкоторыми пророками и учителями (Дѣян. 13, 1, 2), равносильно возложенію рукъ, посвященію въ священство или иной какой либо церковной санъ „званнаго“ апостола, чего конечно, не могли совершить ни міряне, ни клирики, ни даже сами Апостолы. Возложеніе рукъ—обще-восточный и въ частности еврейскій обычай или обрядъ благословенія. Такъ благословлялъ Исаакъ и Іаковъ сыновей своихъ; такъ благословляетъ до сего времени каждый еврей членовъ семьи своей каждую субботу, сопровождая наложеніе рукъ соответствующими словами благословенія. Или представляется преосвященному автору невозможнымъ, чтобы епископъ и іерей вообще получалъ благословеніе отъ мірянъ, отъ народа? Но и Самъ Богъ благословляется служащимъ іереемъ и не только іереемъ, но и всѣмъ молящимъ народомъ, скрѣпляющимъ благословеніе іерея своимъ: аминь—да будетъ. Или позабываетъ авторъ, что каждую литургію священникъ, какъ неоднократно благословляетъ народъ, такъ неоднократно благословляется и народомъ, ибо если словами „миръ всѣмъ“ молитвенно преподаетъ онъ миръ каждому молящемуся, то и народъ и каждый изъ народа отвѣтнымъ „и духови твоему“ молитвенно же преподаетъ ему миръ, споспѣшествующій его служенію. „И въ молитвахъ, говоритъ Златоустъ, какъ всякій можетъ видѣть, много содѣйствуетъ народъ... При самомъ совершеніи таинства священникъ молится за народъ и народъ за священника, ибо сіе, а не иное что обозначаютъ слова: „и духови твоему“. И молитвы благодаренія также суть общія, ибо не одинъ священникъ приносить благодареніе (евхаристію), но и весь народъ, ибо, получивъ сперва отвѣтъ отъ народа, а потомъ согласіе, что „достойно и праведно“ есть совершаемое, начинается и священникъ благодареніе. И что удивительнаго, если съ священникомъ взываетъ и народъ, когда онъ возноситъ священныя пѣсни (Трисвятое), совокупно съ самими херувимами и горними силами“ (18 Бесѣда на 2 Кор.). Но благословлять мірянину или совокупности мірянъ епископа на проповѣдь? Тотъ же Златоустъ свидѣтельствуетъ намъ, что именно при обычномъ рѣченіи „Миръ вамъ“ со стороны приступаю-

щаго къ проповѣди и отвѣтнымъ „И духови твоему“ со стороны народа начиналась со временъ апостольскихъ всякая проповѣдь въ древней церкви.

III.

Въ запискѣ группы священниковъ между прочимъ высказывается мысль, что если въ прежнія времена, когда епископы были выборными церковей, избирались передъ рукоположеніемъ клиромъ и народомъ каждой церкви, они были и на соборахъ естественными представителями своихъ церковей, самымъ избраніемъ какъ бы уполномочивающихъ ихъ на такое представительство, то этотъ порядокъ не можетъ имѣть церковнаго освященія тогда, когда церкви только получаютъ себѣ епископовъ, но сами въ избраніи ихъ не принимаютъ никакого участія. Преосвященный Антоній категорически опровергаетъ эту мысль словами: „Итакъ, то обстоятельство, что епископы у насъ не выборные, нисколько не препятствуетъ имъ быть представителями своихъ церковей, ибо—такъ было и изначала“. Такъ ли? Для чего не только оставлены безъ возраженія, но и обойдены молчаніемъ и тѣ немногочисленные факты избранія, которые приведены въ запискѣ? Апостолъ Матѳей сопричисленъ къ одиннадцати по выпавшему ему жребію, но передъ тѣмъ двое были поставлены къ метанію о нихъ жребія. „И въ тѣ дни Петръ, ставъ посреди учениковъ, сказалъ,—было же собраніе человекъ около ста двадцати... и поставили двухъ...“ (Дѣян. I, 15, 16, 23). Кто же поставилъ ихъ? Уже грамматическій смыслъ перевода прямо подсказываетъ, что поставили ихъ всѣ сто двадцать учениковъ т. е. вся церковь того времени. Великіе святители церкви Аѳанасій Великій и Златоустъ избраны были клиромъ и народомъ церковей, о чемъ документально говорится въ запискѣ. Но и это преосвященный Антоній оставляетъ безъ всякаго вниманія. Вѣроятно для него это исключительные случаи. Церковные памятники, говоря объ епископахъ, крайне рѣдко сообщаютъ какія либо данныя о томъ, какъ возведены они были въ епископское достоинство. И тѣмъ не мѣняе о цѣломъ рядѣ епископовъ памятники говорятъ, что они были избраны клиромъ и народомъ церковей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и описываютъ избраніе. Такъ былъ

избранъ на примѣръ Цициліи и Кипріяна Кареагенскіе, Корнелій, Фабіанъ и Левъ Великій римскіе, Григорій Богословъ, Нектарій, Павелъ и Іоаннъ Златоустъ Константинопольскіе, Аѳанасій Александрійскій, Максимъ Іерусалимскій, Мелетій, Евстафій и Флавіанъ Антиохійскіе, Василій Великій Кесарійскій, Амвросій Медиоланскій, Августинъ Иппонійскій, Мартинъ Турскій, Евсевій Верчельскій, Синазіи Птоломаидскій и многіе, очень многіе другіе. Все это можетъ быть подтверждено свидѣтельствами церковныхъ памятниковъ. „Да, такіе случаи бывали, можетъ быть, скажетъ кто либо, но это не составляетъ общаго правила“. Мы могли бы привести цѣлый рядъ святоотеческихъ свидѣтельствъ, что не только такъ бывало, но такъ и должно было быть. Ограничимся по недостатку мѣста только двумя. Такъ на примѣръ Василій Великій пишетъ къ неокесарійцамъ по поводу предстоящаго избранія епископа: „Умоляю васъ разсудить и размыслить, что при томъ или другомъ окончаніи дѣла, каждый самъ первый вкусить плоды его, а потому попеченіе объ общественномъ дѣлѣ, какъ это случается, не возлагать на другого, чтобы въ послѣдствіи каждый, по своему нерадѣнію не навлекъ на себя бѣды“ (Творенія, т. VI, 74). Папа Левъ Великій говоритъ: „Никто да не поставляется противъ воли и желанія народа, дабы народъ, претерпѣвъ понужденіе, не возненавидѣлъ и не сталъ презирать нежелаемаго епископа, и не потерялъ должнаго благоговѣнія, какъ скоро ему не позволяютъ имѣть епископомъ того, кого онъ желалъ (Epist. 89). Кто долженъ предстательствовать всѣмъ, говоритъ онъ, отъ всѣхъ же долженъ быть избираемъ (Epist. 84). „Такъ было и изначала“, говоритъ преосвященный Антоній. Но даже и присяжные толкователи каноновъ не отрицаютъ, что отъ начала было совершенно не такъ, что существовавшій отъ начала порядокъ получилъ измѣненіе, отмѣненъ. Такъ на примѣръ Іоаннъ Зонара въ примѣчаніи къ первому правилу апостольскому говоритъ: „нынѣ хиротонією называется совершеніе молитвъ посвященія надъ избраннымъ въ священство и призываніе на него Духа Святаго, потому что архіерей, благословляющій рукополагаемаго, протягиваетъ руку (*τείνει τὴν χεῖρά*). А въ древности и самое избраніе называлось хиротонією. Ибо, когда городскому народу дозволялось избирать архіереевъ, народъ сходилъ и одни желали одного,

другіе другого. Итакъ, дабы голосъ большинства получалъ перевѣсъ, производившіе избраніе, говорятъ, протягивали руки и по нимъ считали голоса избирающихъ каждаго. Желаемый большинствомъ почитаемъ былъ избраннымъ на архіерейство. Отсюда и взято наименованіе хиротоніи; это наименованіе употребляли въ томъ же смыслѣ и отцы соборовъ, называя хиротоніей и избраніе“.

И такъ „отъ начала“ не было такъ. Это признаетъ и комментаторъ 12 вѣка, современникъ Алексѣя Комнена, сочувствующій отмѣнѣ прежняго порядка, одобряющій, что прошло то время, когда городскому народу дозволялось избирать архіереевъ. Но къмъ же отнято это дозволеніе? Зонара, какъ и оба другихъ, почти современныхъ ему комментатора приписываютъ отмѣну существовавшаго порядка соборамъ, объясняя каноны съ точки зрѣнія практики и пониманія византійской церкви ихъ времени и совершенно не озабочиваясь разслѣдованіемъ того, какъ именно понимались каноны во время ихъ составленія или точнѣе сказать редактированія, ибо каноны по большей части только редактировались на соборахъ. „Мысль о необходимости выборныхъ епископовъ, говоритъ епископъ Антоній, не только не основана на Божественныхъ канонахъ, но напротивъ противорѣчитъ имъ... Епископы избираются епископами же и утверждаются митрополитомъ, а митрополиты—патріархомъ, какъ совершенно ясно выражено въ 4 правилѣ I Собора, въ 28-мъ IV-го и 3-мъ VII-го“. Такъ ли это? Мы вѣримъ, что передающій убѣжденъ въ смыслѣ передаваемого, но крайне сомнѣваемся, чтобы онъ вникъ основательно въ смыслъ передаваемыхъ имъ каноновъ, а не передалъ только ходячее, совершенно неправое мнѣніе, хотя бы вообще мнѣній для церкви не должно бы существовать. Иначе, онъ не могъ бы не замѣтить, что 3-й канонъ VII-го собора никакого самостоятельнаго опредѣленія не даетъ, потворяя только опредѣленіе Никейскаго собора, но за то даетъ въ высшей степени важное отрицательное опредѣленіе, почему то авторомъ записки выкинутое изъ цитаты. Но и это отрицательное опредѣленіе составляетъ только распространенное на пресвитеровъ и діаконовъ повтореніе апостольскаго правила: „Аще который епископъ мірскихъ начальниковъ употребивъ, чрезъ нихъ получитъ епископскую въ церкви власть, да будетъ изверженъ

и отлученъ и всѣ сообщающіеся съ нимъ“. Неужели предполагаетъ почтенный авторъ, что соборъ имѣетъ въ виду епископовъ, рукоположенныхъ не епископами же, а мірскими начальниками или совсѣмъ не получившихъ рукоположенія отъ епископовъ? Но вся церковная исторія до VII-го Вселенскаго собора включительно свидѣтельствуетъ намъ, что такихъ случаевъ не бывало, да и не было надобности поступать такъ, ибо всегда „мірскіе начальники“ имѣли и могли имѣть въ распоряженіи своемъ по крайней мѣрѣ трехъ покорныхъ и готовыхъ исполнять ихъ волю въ дѣлѣ рукоположенія епископовъ. Ставленники государства, аrianствующіе и иконоборствующіе епископы всѣ безъ исключенія получали рукоположеніе отъ епископовъ, но указывались къ рукоположенію государствомъ или водворялись въ церквахъ, „получали епископскую власть въ Церкви“ силою государственной власти. Даже Григорій Каппадокіецъ, о которомъ Аѳанасій Великій, папа Юлій, да и самыя церкви Александрійская и Римская прямо свидѣтельствуютъ, какъ о ставленникѣ государства, какъ о получившемъ епископскую власть черезъ мірскихъ начальниковъ, а потому подлежащемъ изверженію и отлученію, получилъ рукоположеніе отъ епископовъ, и не отъ трехъ, а, вѣроятно, отъ гораздо большаго числа на Антиохійскомъ соборѣ. При такомъ рукоположеніи покоряющіеся епископы, по выраженію Григорія Богослова, „болѣе дѣйствуютъ руками, чѣмъ произволеніемъ Духа“ (Творенія, т. II, стр. 133). Итакъ, чего же требуетъ третій канонъ VII собора? Онъ требуетъ только того, чтобы епископъ, пресвитеръ или діаконъ не были избираемы къ рукоположенію мірскими начальниками, чтобы епископы, получившіе епископскую власть въ Церкви, пользуясь властью мірскихъ начальниковъ, были извергаемы и отлучаемы.

Но, если третій канонъ VII собора говоритъ объ избраніи епископа, независимо отъ того, какъ и кѣмъ совершенно рукоположеніе, хиротонія, то канонъ 28-й IV собора, устанавливая права и преимущества Константинопольскаго патріархата имѣетъ въ виду только рукоположеніе, хиротонію, вполнѣ отличая ихъ отъ предшествующаго рукоположенію избранія. „Очевидно (*Δηλαδὴ*), говоритъ правило, что, какъ каждый митрополитъ означенныхъ выше областей (т. е. Понтійской, Асійской и Фракійской) вмѣстѣ съ епархіальными

епископами рукополагають (*χειροτονοῦντες*, ибо вся фраза построена въ *genitivus absolutus*) епископовъ епархіи, какъ определено Божественными канонами, такъ и митрополиты означенныхъ выше областей должны, какъ было сказано, быть рукополагаемы (*χειροτονεῖσθαι*) Константинопольскимъ архіепископомъ послѣ того, какъ будутъ совершены согласныя, сообразно обычаю, и возвѣщенныя ему избранія“. Итакъ, Халкидонскій соборъ рѣзко отличаетъ обусловленный и определенный канонами порядокъ рукоположенія отъ имѣющихъ совершаться передъ рукоположеніемъ сообразно обычаю выборовъ. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что канонъ говорить только о выборахъ митрополитовъ, а епископовъ епархій почитаетъ рукополагаемыми безъ всякаго предварительнаго избранія, точно такъ же, какъ нѣтъ никакого основанія предполагать, что избраніе онъ предполагаетъ обязательно совершаемымъ одними только епископами, какъ обязательно одними только епископами совершается рукоположеніе. Совершенно, однако, ясно, что Халкидонскій соборъ не почитаетъ порядокъ избранія определеннымъ въ 4 канонѣ I-го собора, ибо иначе онъ ссылался бы на канонъ, а отнюдь не на обычай, очевидно установившійся въ церкви, но, вѣроятно, не получившій письменнаго изложенія, или по крайней мѣрѣ не получившій соборнаго утвержденія, какъ и соборнаго отверженія. Какъ смотрѣлъ на этотъ обычай избранія самъ Халкидонскій соборъ и въ чемъ, по документальному его изложенію, состоялъ этотъ обычай, приведено будетъ дальше.

Четвертый канонъ Никейскаго собора, на который также опирается епископъ Антоній, прямо говорить о поставленіи епископа (*κατάστασις*), которое, какъ явствуетъ изъ его словъ, вполне отождествляетъ онъ съ рукоположеніемъ, хиротоніей. Что же говорить этотъ канонъ? Онъ говорить, что епископу наиболѣе приличествуетъ быть поставляемымъ или рукополагаемымъ отъ всѣхъ епископовъ въ области, т. е. не отъ какихъ либо, гдѣ либо случайно оказавшихся, епископовъ, а именно отъ епископовъ той епархіи (подразумѣвается митрополичей), въ которую онъ рукополагается. Но вѣдь для того, чтобы епископъ получилъ рукоположеніе, онъ долженъ быть предварительно намѣченъ, провозглашенъ, нареченъ, избранъ. Это явствуетъ и изъ слѣдующихъ словъ канона.

„Если же это (т. е. рукоположеніе отъ всѣхъ епископовъ области) тяжело, затруднительно (*δυσχερές*) либо по удручающей необходимости либо по дальности пути, то да соберутся на это трое и послѣ того, какъ отсутствующіе выразятъ согласіе и подтвердятъ посредствомъ грамматъ, тогда совершатъ рукоположеніе“. На что же требуется согласіе отсутствующихъ? На рукоположеніе того, кто еще только будетъ избранъ? Но право рукополагать не можетъ быть передовѣряемымъ; рѣчь можетъ быть только о согласіи на рукоположеніе уже избраннаго лица. Предположить, что рѣчь идетъ о передачѣ отсутствующими голосовъ своихъ въ распоряженіе трехъ выборщиковъ въ смыслѣ уполномоченія ихъ на производство выборовъ,—тоже нельзя, ибо довѣренность не есть проявленіе согласія и единодушія, о которомъ говорится въ правилѣ—*συμφών γινόμενον καὶ τῶν ἀπόντων*. Кромѣ того правило ставить условіемъ рукоположенія, какъ предварительное согласіе „и отсутствующихъ“, такъ и подтвержденіе согласія этого посредствомъ грамматъ. Такой оборотъ былъ бы совершенно немислимъ, еслибы рѣчь шла только о довѣренностяхъ на выборы, ибо тогда достаточно было бы сказать объ однихъ только грамматахъ и незачѣмъ было бы предпосылать грамматамъ установившееся согласіе епископовъ. Правило ясно говоритъ, что всѣ епископы области должны придти къ соглашенію (*συμφώνους γίνεσθαι*), подтвердить согласіе посредствомъ грамматъ, а трое изъ всего сонма (*ἐξ ἅπαστος*) собраться для поставленія и тогда производить рукоположеніе. Очевидно, что рѣчь идетъ о согласіи на рукоположеніе уже извѣстнаго соглашающимся лица, т. е. епископа, который, по приведенному выше правилу Халкидонскаго собора уже избранъ, сообразно обычаю. Толкованіемъ къ этой части правила, кромѣ указанія Халкидонскаго собора служить повѣствованіе Григорія Богослова объ участи, которое въ избраніи и рукоположеніи Василія Великаго принималъ, какъ епископъ, его отецъ. „Онъ писалъ къ народу, къ клиру, письменно соглашалъ между собою епископовъ и, будучи лишень, по болѣзни, возможности, отправиться въ Кесарію, письменно выразилъ требуемое согласіе на его постановленіе, а затѣмъ, когда число съѣхавшихся оказалось не соотвѣтствующимъ правилу, самъ выѣхалъ на рукоположеніе“. (Творенія, т. II, 113, 114, изд. 3-е). Нельзя

упускать изъ вида, что въ канонѣ о выборахъ не говорится ни слова. Трое собираются для постановленія, заручаются письменнымъ согласіемъ отвѣтствующихъ и... производятъ рукоположеніе. Какъ? Безъ выборовъ? Разсматриваемое правило Никейскаго собора представляется безусловно неполнымъ и даже необъяснимымъ, если не предположить, что оно относится только къ дѣйствіямъ, слѣдующимъ за избраніемъ, а не къ самому избранію. Только въ такомъ случаѣ согласуется оно съ правиломъ Халкидонскаго собора, въ коемъ прямо говорится о предшествовавшемъ, сообразно обычаю, избранію. Но, принимая въ соображеніе, что канонъ говорить не объ избраніи, а о рукоположеніи епископа, какъ слѣдуетъ понимать утвержденіе дѣйствій митрополитомъ? Неужели митрополитъ можетъ признать рукоположеніе недѣйствительнымъ, что прямо противорѣчило бы правилу, что онъ ничего да не творить безъ согласія прочихъ епископовъ области. Въ данномъ же случаѣ выходило бы, что онъ отмѣняетъ совершенное на основаніи согласія, выраженнаго всѣми епископами области, изъ которыхъ разумѣется не исключается и онъ самъ. Не можетъ быть, чтобы канонъ говорилъ о необходимости прибывшимъ на рукоположеніе заручиться предварительно согласіемъ всѣхъ епископовъ области, кромѣ старшаго епископа области, т. е. митрополита. Утвержденіе же митрополитомъ того, на что онъ уже выразилъ согласіе, не имѣло бы смысла, а потому увѣреніе пресвященнаго Антонія, что епископъ избирается епископами и утверждается митрополитомъ совершенно не вѣрно. Но выраженіе *χῆρος δίδωσθαι*, передаваемое переводчикомъ черезъ—утверждать, имѣетъ много значеній, ибо *χῆρος* обозначаетъ не только заключеніе, утвержденіе, завершеніе и т. п., но еще и основаніе, поводъ, начало, власть къ совершенію чего либо. Итакъ, канонами митрополиту могутъ поручаться либо дѣйствія слѣдующія за рукоположеніемъ, либо дѣйствія предшествующія рукоположенію и самое рукоположеніе. Такимъ образомъ оказывалось бы, что представленіе тремъ епископамъ власти отправиться въ вдовствующую церковь и рукоположить избраннаго тамъ епископа по полученіи согласія отсутствующихъ дается митрополитомъ. Но кто спрашивалъ отсутствующихъ епископовъ о согласіи или несогласіи ихъ на рукоположеніе? Разумѣется митрополитъ, ко-

торый, по Антиохійскому правилу, долженъ созывать епископовъ черезъ посланіе. Такимъ образомъ заключительныя слова канона всего правильнѣе было бы перевести: Починъ же дѣйствіямъ (исчисленнымъ въ канонѣ) дасть митрополитъ.

Такимъ образомъ Никейскій соборъ предъявляетъ къ замѣщенію епископскихъ кафедръ слѣдующія требованія:

1) Епископъ долженъ быть избранъ порядкомъ въ канонѣ не указуемымъ, но очевидно всѣмъ хорошо извѣстнымъ.

2) Рукополагаемымъ быть избранному епископу всего болѣе приличествуетъ отъ всѣхъ епископовъ области.

3) Если же это невозможно, то три епископа да отправятся во вдовствующую церковь и по полученіи письменнаго согласія отсутствующихъ, да произведутъ рукоположеніе.

4) Всѣ эти исчисленные въ канонѣ дѣйствія совершаются по почину митрополита.

Теперь для окончательнаго устраненія всякихъ затрудненій и непреложнаго установленія созданнаго канономъ порядка замѣщенія епископскихъ кафедръ поставимъ самыя соборы единственными истолкователями изданныхъ ими правилъ и вопросимъ не кого иного, какъ самихъ отцовъ вселенскихъ соборовъ о томъ, почитали ли они предваряющее рукоположеніе избраніе епископовъ клиромъ и народомъ вдовствующихъ церквей противнымъ ихъ постановленіямъ, какъ увѣряютъ преосвященный Антоній, или хотя бы только излишнимъ. Благодатію Божіей, сохранившей для насъ посланія и акты соборовъ, хотя по несчастію и не всѣхъ, мы можемъ совершить такое вопрошаніе и получить отвѣтъ на него. Итакъ, въ Дѣяніяхъ Никейскаго Собора, изложенныхъ по подлиннымъ актамъ Геласіемъ Кизическимъ, говорится, что на мѣсто низложенныхъ епископовъ аріанскихъ поставлены были епископы рѣшеніемъ того же собора, и *клира и народа* каждой епархіи (*ψήφου τῆς αἰθῆς συνόδου καὶ τῆς ἐκίστης λαοικίας, κλήρου καὶ λαοῦ*. Gelasii Cyziceni. Hist. Conc. Nic. lib. II, с. 23).

Въ „Соборномъ посланіи отцовъ Никейскаго собора къ Александрійской церкви“ соборъ по поводу Мелетія незаконно называвшаго себя епископомъ Александрійскимъ и поставленныхъ имъ клириковъ (большинство коихъ по

списку, сохраненному Аѳанасіемъ великимъ, были епископы). Соборъ даетъ слѣдующія постановленія. „Мелетію не имѣть никакой власти, не избирать, не возлагать рукъ и не являться для этихъ цѣлей ни въ селеніи, ни въ городѣ, но только сохранять одно имя своего достоинства (т. е. имя епископа. Соборъ, какъ очевидно, отличаетъ право избирать отъ права рукополагать, при чемъ епископу предполагается принадлежащимъ и то и другое). Поставленныхъ же отъ него клириковъ, утвержденныхъ таинственнѣйшимъ возложеніемъ рукъ ¹⁾, принять въ общеніе съ тѣмъ, чтобы они пользовались честью и служили, но въ каждомъ приходѣ (*paroikia*, говорится въ канонахъ преимущественно объ епархіяхъ епископовъ) занимали непремѣнно второе мѣсто послѣ рукоположенныхъ честнѣйшимъ сослужителемъ нашимъ Александромъ; при этомъ они не имѣютъ власти ни рукополагать кого имъ угодно, ни предлагать имена (т. е. участвовать въ избраніи), ни дѣлать что либо безъ воли епископовъ каеолической и Апостольской Церкви, подвластныхъ Александру. Тѣмъ же, которые по благодати Божіей и молитвамъ нашимъ не состояли въ расколѣ, но безпорочно назидались въ каеолической и Апостольской Церкви, пользоваться властью и рукополагать и предлагать имена достойныхъ клира (*ἐξουσίαν ἔχειν προχειρίζεως (проручества) καὶ ὀνόματα ἐπιλέγεως*) и дѣлать все согласное съ закономъ и установленіемъ церковнымъ. Если же кому изъ церковныхъ (подразумѣваются, конечно, занимающіе церковную должность) придется окончить жизнь, въ служеніе, вмѣсто умершаго, допускать недавно принятыхъ (т. е. упомянутыхъ ранѣе поставленныхъ Мелетіемъ клириковъ), только бы они являлись достойными и избранными народомъ при согласіи и рукоположеніи отъ епископа каеолической Церкви въ Александріи“ (*καὶ ὁ λαὸς αἰροῖτο, συνεπιφρίζοντος αὐτῶ καὶ ἐπιφραγίζοντος τοῦ τῆς Ἀλεξανδρείας Ἐπισκόπου*. Дѣян. 1-го всел. соб., р. пер. 1859, стр. 188—189; ср. Socrates H. E. I, 9). Да не пытаются возразить, что здѣсь идетъ рѣчь не объ епископахъ, а о клирикахъ, т. е. пресвитерахъ и діаконахъ и т. д. Во-первыхъ тотъ же Никейскій соборъ, говоря въ канонѣ о клирикахъ изъ новатіанъ, такъ называемыхъ чистыхъ, подразу-

¹⁾ Сообразно 8-му правилу того же собора.

мѣваетъ подъ ними и епископовъ, распространяя понятіе о клирѣ на всѣ степени церковнаго служительства и явно включая епископовъ въ ихъ число (пр. 8); во-вторыхъ рѣчь идетъ и о клирикахъ рукополагающихъ, каковыми могли быть только епископы; въ - третьихъ списокъ клириковъ, представленный въ силу вышеприведеннаго соборнаго посланія Мелетіемъ Александру Александрійскому содержитъ имена 24 епископовъ и только восьми низшихъ клириковъ т. е. 4 пресвитеровъ и 4 діаконовъ въ клирѣ самой Александріи (*Аванасій*, Защитительное слово противъ аріанъ гл. 71. Твор. въ русск. пер. I, 375). Итакъ, если Никейскій соборъ ставитъ условіемъ къ вступленію на освобождающіяся каѳедры рукоположеннымъ Мелетіемъ епископамъ избраніе ихъ клиромъ и народомъ мѣстныхъ церквей и черезъ это условіе стѣсняетъ и ограничиваетъ власть областныхъ епископовъ и митрополита, признавая ее недостаточной при отсутствіи выбора клиромъ и народомъ, то было бы странно, если бы онъ не распространялъ того же условія на лицъ, не принадлежавшихъ къ расколу Мелетія и не получившихъ отъ него рукоположенія. Тогда выходило бы, что для кандидатовъ сомнительныхъ требуется судъ и оцѣнка клира и народа церквей, а для кандидатовъ, не возбуждающихъ сомнѣнія, оцѣнка менѣе полная и осторожная, т. е. судъ однихъ только епископовъ. Но мы уже видѣли, что на каѳедры низложенныхъ аріанскихъ епископовъ соборъ утверждалъ только епископовъ, избранныхъ клиромъ и народомъ церквей, а потому мы не можемъ не заключить, что соборъ смотрѣлъ на избраніе клиромъ и народомъ церквей, какъ на условіе всякаго вообще рукоположенія въ епископское достоинство и устанавливаемое 4-мъ своимъ правиломъ почиталъ только порядкомъ того, что должно слѣдовать за избраніемъ, уже состоявшимся. Только такимъ образомъ, т. е. при такомъ только взглядѣ на составъ 4-го Никейскаго канона—а иного и быть не можетъ—канонъ этотъ можетъ согласоваться съ 28 канонемъ Халкидонскаго собора, который, вкратцѣ устанавливая тѣ же дѣйствія епископовъ и митрополита, прямо указываетъ, что дѣйствія эти только слѣдуютъ за совершеннымъ, сообразно обычаю, избраніемъ. Такимъ образомъ Халкидонскій соборъ является истолкователемъ 4-го Никейскаго канона и истолковываетъ его такъ, какъ истол-

ковалъ его въ посланіи и опредѣленіи самъ Никейскій соборъ, какъ истолковываемъ его мы, неукоснительно слѣдуя соборнымъ постановленіямъ. Не иначе понимаетъ четвертое правило Никейскаго собора и второй вселенскій соборъ, признавая Флавіана Антиохійскаго рукоположеннымъ канонически и указуя причины такого признанія. Какія же это причины? Почему признаетъ соборъ каноничность рукоположенія? „Потому“, отвѣчаетъ посланіе собора, „что его канонически рукоположили всѣ сошедшіеся епископы при согласіи всей церкви, какъ бы въ одинъ голосъ его удостоившей“ (*ὅσπερ διὰ μόνης φωνῆς ἕσθρα τιμήσασθς*. *Epistola Synodica* ap. *Theodorit*, V, 9).

Призовемъ въ качествѣ истолковательницы и самую Церковь, принявшую разсматриваемый канонъ, непосредственно изъ устъ самого собора и еще включавшую въ составъ своемъ ближайшихъ составителей и редакторовъ канона, безспорно осведомленныхъ о томъ, что имѣли въ виду установить они. Не прошло и полгода со времени соборнаго постановленія, какъ Аѳанасій, участникъ собора, избирается народомъ и рукополагается собравшимися епископами. Конечно, это могло быть и превышеніемъ своихъ правъ со стороны народа, „невѣжды въ законѣ“, и насиліемъ его надъ епископами, побудившимъ ихъ отступить отъ только что сдѣланнаго постановленія, если допустить, что оно возбранило такое избраніе. Но несомнѣнно нѣкоторое воздѣйствіе народа на собравшихся епископовъ имѣло въ данномъ случаѣ свое мѣсто. О семъ свидѣлствуютъ сами рукополагавшіе въ вынужденномъ позднѣйшими обстоятельствами посланіи. „Все множество жителей, говорятъ они, всѣ принадлежащіе къ Вселенской Церкви, собравшись вмѣстѣ и единодушно, какъ бы въ единомъ тѣлѣ вопіяли, взывали, требуя въ епископа церкви Аѳанасія и всенародно молили о семъ Христа въ продолженіи многихъ дней и ночей, заклинали насъ сдѣлать это, и сами не выходя изъ церкви и намъ не позволяя сдѣлать это“. (Твор. Аѳанасія Алекс. I. 225). Что же? Рукоположившіе епископы считаютъ ли свою уступку требованіямъ народа, какъ восхищающимъ себя не принадлежащую ему власть, вынужденнымъ отступленіемъ отъ недавно обнародованнаго канона, оправдываемымъ только благотворными для Церкви послѣдствіями этой уступки?

Нѣтъ! Они приводятъ все вышеписанное именно для того, чтобы указать каноническую правильность совершившихся избранія и рукоположенія. Въ другомъ посланіи, приводимомъ Аѳанасіемъ, вся Александрійская церковь, всѣ вѣрующіе свидѣтельствуютъ о томъ, что они „даже до смерти будутъ стоять въ своемъ желаніи имѣть епископомъ достопочтеннѣйшаго Аѳанасія, котораго самъ Богъ даровалъ намъ по преданію Отцовъ нашихъ“ (Твор. II, 176). Очевидно ни всей Церкви, ни кому либо изъ вѣрующихъ, ни самому приводящему слова эти Аѳанасію, бывшему участнику Никейскаго собора, не приходило въ голову предположеніе, что соборъ отмѣнилъ то, что почитаютъ они отеческимъ преданіемъ, т. е. участіе народа въ избраніи епископа. Мало того: враги Аѳанасія силятся доказать неправильность и неканоничность восшествія Аѳанасія на Александрійскую кафедру. Что же? Опираются ли они на то, что онъ рукоположенъ былъ недостаточнымъ количествомъ епископовъ, что противорѣчило бы канону и представлялось бы незаконнымъ въ глазахъ Церкви? Доказываютъ ли они, что недопускаемое канонамъ участіе народа въ выборѣ, сдѣлало рукополагавшихъ орудіями его воли? Совершенно наоборотъ. Они измышляютъ, что по кончинѣ Александра, не всѣ, но только нѣкоторые, и то немногіе напомнили объ Аѳанасіи, что онъ рукоположенъ шестью или семью епископами, но тайно въ сокровенномъ мѣстѣ (Твор. II, 295). Что же отвѣчаютъ на это обвиненіе епископы православные, съ которыми очевидно согласенъ и приводящій слова ихъ Аѳанасій? Говорятъ ли они, что по правилу Никейскаго собора уже рукоположеніе не только шести, но даже и трехъ епископовъ вполне достаточно для его каноничности, что участіе народа не только не требуется канонамъ, но и устраняется имъ? Епископы и приводящій слова ихъ Аѳанасій понимаютъ очевидно канонъ совершенно иначе, а именно такъ, какъ понималъ его самъ Никейскій соборъ и послѣдующіе Вселенскіе соборы, какъ понимаемъ его мы, точно слѣдуя соборному толкованію. Сообразно сему, нападенія враговъ Аѳанасія они опровергаютъ приведеннымъ нами выше сообщеніемъ о всенародности его избранія, о прямо сказавшейся волѣ народа, присовокупляя въ заключеніе: „И что рукополагали его многіе изъ насъ, въ глазахъ у всѣхъ и при общемъ всѣхъ восклицаніи,—сему

опять мы рукополагавшіе служимъ болѣе достовѣрными свидѣтелями, нежели тѣ, которыхъ при этомъ не было и которые говорятъ ложь“. Итакъ, дѣйствительный смыслъ 4 канона перваго Вселенскаго собора не только явствуетъ изъ внимательнаго его разсмотрѣнія, не только подтверждается правилами, посланіями и рѣшеніями самихъ соборовъ, но и удостоверяется еще въ горнилѣ церковной практики непосредственно слѣдующаго за соборомъ періода. Выше уже было сказано, что величайшіе изъ святителей церкви, подробности объ избраніи которыхъ именно по значенію ихъ въ исторіи церкви и сохранились въ памятникахъ, — а это дѣлаетъ вѣроятнымъ, что и другіе менѣе выдѣлявшіеся, подобно имъ восходили на епископскія каѳедры, — избираемы были клиромъ и народомъ церквей. Нельзя, конечно, предполагать, чтобы во всѣхъ этихъ случаяхъ Церковь отступала отъ канона, нарушала канонъ. Изъ довольно длиннаго ряда Константинопольскихъ архіепископовъ, преемственно слѣдовавшихъ другъ за другомъ, Павелъ, Григорій Назіанзинъ, Нектарій, Іоаннъ Златоустый, Сисиній были избранниками клира и народа; о возведеніи двухъ, Арзака и Атика мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, но зато о предшественникѣ Сисинія исторія свидѣтельствуетъ намъ, что онъ вступилъ на каѳедру безъ избранія его клиромъ и народомъ. Этотъ предшественникъ былъ Несторій.

Но изложеннымъ выше свидѣтельства соборовъ объ истинномъ смыслѣ Никейскаго канона еще не исчерпываются. На Халкидонскомъ соборѣ разбиралось тяжкое дѣло о противузаконномъ рукоположеніи митрополитовъ Ефесскихъ Вассіана и Стефана, изгнанныхъ Ефесскою церковью. Каково же было рѣшеніе собора? „Анатолій, почтеннѣйшій архіепископъ Константинополя сказалъ: тѣхъ, которые незаконно обручились съ невѣстою Христовою, т. е. со святѣйшею Ефесскою церковью, она совершенно законно изгнала отъ себя. Посему, какъ почтеннѣйшій епископъ Вассіанъ, который вскочилъ на престолъ, такъ и почтеннѣйшій епископъ Стефанъ, который послѣ сего неправильно посадилъ самого себя, пусть останутся въ покоѣ, переставъ управлять этою церковью. Ефесской же митрополіи будетъ данъ епископъ, указанный Богомъ, *избранный къ рукоположенію въ епископы этой церкви всеми будущими его пасомыми, право проповѣдующій*

слово истины, а упомянутые епископы пусть имѣютъ только достоинство и общеніе и получаютъ приличное вспоможеніе отъ этой святѣйшей церкви. Святой соборъ сказалъ: это мнѣніе справедливо; этотъ судъ справедливъ“.

Приведенное выше рѣшеніе Халкидонскаго собора интересно еще и потому, что оно не остается безъ возраженій, при чемъ канону, противопоставляется дозволенное обычаемъ, вкравшимся въ церковь. Возбудившіе дѣло Вассіана азіискіе епископы, (если въ текстѣ или переводѣ нѣтъ пропуска), совершенно не поняли рѣшенія собора и предположили, что митрополитъ отправленъ будетъ къ нимъ по назначенію изъ Константинополя, а потому упали на колѣна, взывая, что пусть лучше останется Вассіанъ, чѣмъ совершится такое назначеніе, ибо оно будетъ имѣть послѣдствіемъ народный бунтъ, а тогда „и дѣти наши умрутъ и городъ погибнетъ“. Услыхавъ о могущемъ быть возмущеніи, сановники просили соборъ рѣшить, „гдѣ рукоположить епископа опредѣляютъ каноны?“ „Почтеннѣйшіе епископы сказали: въ области. Діогенъ почтеннѣйшій епископъ Кизическій сказалъ: обычай позволяетъ и здѣсь. Если епископъ былъ поставленъ отъ Константинополя, то этого т. е. возмущенія не случилось. Тамъ рукополагаютъ конфетчиковъ, отъ того и бываютъ возмущенія. Леонтій, почтеннѣйшій епископъ Магнезиі, сказалъ: отъ святаго Тимофея до нынѣ поставлено было двадцать семь епископовъ; всѣ они рукоположены были въ Ефесѣ. Одивъ Василій поставленъ былъ здѣсь и произошли убійства. Константинопольскіе клирики, отдѣляясь въ этомъ случаѣ отъ своего архіепископа ¹⁾, настаиваютъ на рукоположеніи изъ Константинополя, указывая, на то, что въ Азіи (а не въ Ефесѣ, о которомъ говорилъ Леонтій) бывали и другіе случаи назначенія. Почтеннѣйшіе епископы сказали: пусть каноны имѣютъ силу. (Каноны же, по высказанному ими въ отвѣтъ сановникамъ, требуютъ рукоположенія въ Ефесѣ). Клирики воскликнули: пусть имѣютъ силу постановленія 150 отцовъ (т. е. указанія на преимущества чести епископа Константинопольскаго, не подразумѣвающихія рукоположенія въ чужихъ областяхъ). Пусть не нарушаются преимущества Константинополя. Пусть рукоположенія совершаются *по обы-*

1) Не потому ли, что сами надѣялись попасть на Ефесскую митрополию?

чаю тамошнимъ архіепископомъ. Рѣшеніе собора отлагается до слѣдующаго засѣданія. На немъ Анатолій Константинопольскій снова повторяетъ свою формулу, по которой оба епископа должны быть низложены, а для управления епископствомъ долженъ быть избранъ *всеми пасомыми* другой. Епископы подаютъ свои голоса, въ которыхъ указывается двумя на могущее быть оказано Вассіану и Стефану челоувѣколюбіе, но о назначеніи изъ Константинополя не возникаетъ и рѣчи; въ заключеніе же на основаніи высказанныхъ мнѣній сановники повторяютъ формулу Анатолія, какъ рѣшеніе собора, а святой соборъ восклицаетъ: Это разсужденіе благочестиво; оно *согласно съ канонами*. Только одинъ Діогенъ Кизическій, указывавшій ранѣе на возможность отступленія отъ канона („по обычаю можно и здѣсь“) присовокупляетъ: оно лучше другихъ (Дѣянія Вс. Соб. IV, 113—121).

Приведенное выше рѣшеніе собора ясно показываетъ намъ, что соборъ понимаетъ подъ упоминаемымъ имъ въ 28-омъ канонѣ, предшествующемъ рукоположенію избраніи сообразно обычаю, не иное что, какъ избраніе епископа „всеми будущими его пасомыми“. Правда, въ правилѣ соборъ отступаетъ отъ прежняго своего утвержденія, что митрополитъ не только долженъ быть избираемъ, но по канонамъ въ области же долженъ быть и рукополагаемъ, а дѣлаетъ исключеніе для митрополитовъ Понтійской, Фракійской и Асійской Церкви, которые по учиненію въ области сообразно обычаю избранія всеми пасомыми, рукополагаются изъ Константинополя. Но на это исключеніе надо смотрѣть только какъ на новое, постановляемое соборомъ опредѣленіе, которымъ нельзя еще было руководствоваться при судѣ надъ митрополитами, при чемъ и это опредѣленіе предпосылаетъ рукоположенію избраніе въ области, а избраніе въ области равносильно по мнѣнію собора, избранію всеми пасомыми. Вопросъ о томъ, кто именно рукополагаетъ и гдѣ совершается рукоположеніе,—вопросъ по существу совершенно второстепенный, разъ рукополагаемый избранъ мѣстною церковью. Для іерарховъ—это вопросъ преимущества, чести и права; для церкви, какъ уже сказано, это представляетъ мало значенія. Рукоположеніе есть таинство, дѣйственность котораго не обусловливается качествами и достоинствомъ совершителя, а потому кѣмъ бы ни былъ рукоположенъ избранный и излюбленный

церковью епископъ, это отнюдь не измѣняетъ отношеній его къ церкви и церкви къ нему и только унижаетъ однихъ епископовъ для превознесенія другихъ, да заставляетъ избираемаго совершить лишній путь для рукоположенія. Впрочемъ и это постановленіе собора имѣетъ чисто мѣстный характеръ и отнюдь не распространяется на церкви, расположенныя внѣ Константинопольскаго патріархата и не указанныя въ канонѣ.

Епископъ Антоній совѣтуетъ также „духовнымъ республиканцамъ“ какъ называетъ онъ ревнителей канона въ томъ смыслѣ, какой придаютъ ему вселенскіе соборы, прочесть и 13 правило Лаодикійскаго собора. Отъ имени „духовныхъ республиканцевъ“, если такъ угодно называть тѣхъ, кто не уклоняется отъ точнаго смысла соборныхъ постановленій, спросимъ мы епископа Антонія: почему въ правилѣ даже и по Синодальному переводу говорится о сборищахъ народа, а не о собраніи народа и можно ли заключить, что возбраняемое для сборищъ (во множественномъ числѣ), возбраняется канономъ и собранію вѣрующихъ, собранію церковнаго народа? Между собраніемъ и сборищемъ есть, конечно, значительное различіе; одно такъ или иначе законно собирается и представляетъ весь народъ; другое собирается само собою, составляется случайно или представляетъ образовавшуюся сборище партію. Сборище точно также противопоставляется народу или собранію народа, какъ скопище противопоставляется церкви. Не безъ причины же говорить и переводъ о сборищѣ, а не о собраніи. Еще проще представляется дѣло по греческому тексту правила. Но прежде чѣмъ привести этотъ текстъ, упомянемъ, что въ отличіе отъ всѣхъ вообще соборныхъ постановленій правила Лаодикійскаго собора, цѣль, составъ и время котораго вполне неизвѣстны, по формѣ изложенія, представляютъ только заголовки правилъ, экстракты изъ правилъ или программу правилъ, такъ какъ всѣ они только указываютъ на то, что излагается въ правилѣ и потому всегда начинаются со словъ *περὶ τὸν* о томъ, что и т. д. (Въ этомъ отношеніи сходятся съ ними только три правила Анкирскаго собора). Что же говоритъ правило въ текстѣ или о чемъ говоритъ оно? „О томъ, что не толпамъ (*μὴ τοῖς ὄχλοις*) представляется производить выборъ имѣющихъ быть поставляемыми во святилищѣ“. (*Ἱερατεῖον*—собственно мѣсто-

пробываніе жреца или священника, а въ богослужебныхъ книгахъ алтарь или жертвенникъ). Да. Разумѣется не толпамъ позволяется это, а законно собравшемуся клиру и народу церкви. Въ толпѣ нельзя отличить принадлежащихъ къ церкви отъ не принадлежащихъ къ ней; не только отколловшіеся, не только еретики, но даже и язычники могутъ присоединиться къ толпѣ и составлять даже ея большинство. Толпа, иногда даже и вооруженная, дѣйствуетъ насиліемъ или внушаетъ опасенія такового; клиръ и народъ подають только свой голосъ, свое рѣшеніе, при чемъ подразумѣвается, что участвуетъ весь клиръ и весь народъ, а не какая либо его фракція. Въ спискѣ епископовъ, избранныхъ клиромъ и народомъ церквей, мы исключили всѣ случаи, о которыхъ историки или другіе памятники говорятъ, что „одни хотѣли одного, другіе другого, поставленъ же былъ такой то“, ибо не знаемъ, состоялось ли наконецъ избраніе большинствомъ или епископъ былъ поставленъ помимо избранія, какъ несостоявшагося. Но вѣдь, если выборъ колебался между двумя кандидатами, какъ на примѣръ между Павломъ и Македоніемъ въ Константинополѣ, то каждый былъ избранъ своею частью народа. Если же бы такая часть народа, дѣйствуя отдѣльно и отрѣшенно отъ другой, настаивала бы на осуществленіи своего избранія, то она уже приближалась бы къ понятію о толпѣ. Исторія Церкви представляетъ намъ, однако, наглядные случаи тѣхъ злоупотребленій, которыми могло и должно было быть вызвано Лаодикійское правило. Григорій Богословъ разсказываетъ намъ, какъ въ Кесаріи нѣкоторая часть народа, опираясь на войска, избрала еще не получившаго крещенія Евсевія и „насилъственно требовала“ его рукоположенія, при чемъ епископы, наконецъ уступившіе требованіямъ, „дѣйствовали болѣе руками, чѣмъ произволеніемъ Духа“. О Вассіанѣ, дѣло котораго разбиралось на Халкидонскомъ соборѣ, рукополагавшій его епископъ Олимпій сообщаетъ слѣдующее. „Безчисленная толпа окружила жилище, въ которомъ я находился, и, не знаю какъ, я очутился и передъ такою властью и передъ алтаремъ; нѣкто по имени Олосирихъ, можетъ быть комиціанъ, съ обнаженнымъ мечемъ пришелъ самъ и вся толпа. Схвативши, меня отвели въ церковь. Такимъ образомъ двѣсти или триста челоувѣкъ возвели меня и его (т. е. Вассіана) на пре-

столь и совершилось посаженіе на престоль“ т. е. именно то *καθίστασθαι εἰς ἱερατεῖον*, о которомъ говорить Лаодикійское правило (Дѣян. IV, 116). Позднѣе патріархъ Александрійскій Петръ Сукноваль (*Γραφεύς*) возведенъ былъ собравшеюся на улицѣ многочисленною толпою,—возведенъ съ пролитіемъ крови, хотя не явилось недостатка въ законныхъ совершителейъ рукоположенія, такъ что въ этомъ отношеніи съ формальной стороны надо почитать рукоположеніе правильнымъ. Явленіе такого рода,—а ихъ не могло не быть, когда Церковь раздираема была ересями, когда въ силу того въ угоду мнѣніямъ и партіямъ упразднялась связующая ее въ единое цѣлое любовь и зачастую знамена исповѣданія были и политическими знаменами,—не могла Церковь не напомнить о томъ, что не толпами приличествуется производиться выборовъ должествующихъ быть посаженными во священство: такъ именно и гласитъ канонъ, не говоря, кѣмъ и какъ должно производиться каноническое избраніе. Но развѣ отрицаніе дѣйствій толпы есть отрицаніе власти народа. Развѣ въ политической жизни, для Лаодикии еще не вполне позабытой, отрицаніе и сужденіе охлократіи не исходило именно отъ приверженцевъ народоправленія, демократіи. Платонъ и Аристотель единогласно усматриваютъ различіе этихъ формъ управленія, въ томъ, что первая, руководствуется увлеченіями, страстями, внѣ всякихъ заранѣе установленныхъ общихъ законовъ; вторая же дѣйствуетъ закономѣрно, въ предѣлахъ закона. Къ этому надо прибавить, что слово *ὄχλος*, подъ вліяніемъ политической жизни, рано получаетъ въ Греціи и переносное значеніе, обозначая не только толпу, но и производимое ею,—именно смуту, возмущеніе, беспорядокъ. Въ этомъ можно убѣдиться, заглянувъ въ любой научный словарь. Итакъ, не толпами, не въ смутѣ, не въ беспорядкѣ должны производиться избранія. Не толпами, такъ кѣмъ же? По крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ сохранился до насъ канонъ, онъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Но его обильно даетъ вся практика древней церкви, даютъ постановленія и опредѣленія соборовъ, служащія поясненіями ихъ правилъ. Да! Разумѣется не толпами, не въ смутахъ, и не въ беспорядкахъ должны производиться избранія епископовъ, но закономѣрными собраніями народа или совокупными собраніями клира и народа церквей, т. е. самими церквами безъ всякаго ихъ

раздѣленія, какъ того требуютъ непреложныя свидѣтельства отцовъ и освобожденныя отъ лжетолкованія каноны соборовъ. Не лишнее упомянуть, что въ Дѣяніяхъ девяти помѣстныхъ соборовъ, вторично изданныхъ въ Казани въ 1901 году, правило Лаодикійскаго собора переводится черезъ: „о томъ, чтобы *общинамъ* не дозволялось дѣлать выбора лицъ, имѣющихъ быть поставленными во священство“. Стыдно, грѣшно, да и зъ правиломъ Трульскаго собора безусловно воспрещено совершать такія извращенія церковныхъ правилъ. Прочтите!

Итакъ, какъ же сообразно канонамъ, соборнымъ постановленіямъ, освященному свидѣтельству практики древней Церкви и свидѣтельству отцовъ должно достигаться приобрѣтеніе епископскаго достоинства? Выразимъ это словами древняго церковнаго памятника, который самъ по себѣ, внѣ оправданія и подтвержденія словъ его всѣми приведенными выше указаніями и свидѣтельствами, могъ бы не представлять—достаточнаго церковнаго авторитета, именно словами такъ называемыхъ „Постановленій Апостольскихъ“. Онъ выражаетъ точно, кромѣ развѣ оговорки о согласіи отсутствующихъ епископовъ области, все содержаніе канона касательно условій рукоположенія и весь подразумеваемый канonomъ и указуемый имъ (28 пр. 2 Вс. Собора) порядокъ предшествовавшего избранія“. Въ епископа рукополагать того, кто безпороченъ во всемъ, *избранъ всѣмъ народомъ, какъ наилучшій*. Когда его наименуютъ и одобряютъ, то народъ собравшись въ день Господень съ пресвитерствомъ и наличными епископами, пусть дастъ согласіе. Старѣйшій же прочихъ пусть спроситъ пресвитерство и народъ: тотъ ли это, кого просятъ они въ начальника, и когда они отвѣтятъ утвердительно, то снова пусть спроситъ: всѣ ли свидѣтствуютъ, что онъ достоинъ сего великаго и знатнаго начальствованія, исправилъ ли онъ благочестіе по Богѣ, хорошо ли устроилъ дѣла по дому, безукоризненъ ли въ жизни. Когда всѣ вмѣстѣ по истинѣ, а не по предубѣжденію, какъ предъ судією Богомъ, въ присутствіи, разумѣется, и Святаго Духа и всѣхъ святыхъ и служебныхъ духовъ, засвидѣтствуютъ, что онъ таковъ; то опять въ третій разъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердить всякое слово, да будутъ спрошены: во истину ли достоинъ онъ священно-служительства. И когда въ третій разъ подтвердятъ, что достоинъ (это то и обозна-

часть троекратное „аксіось“), то отъ всѣхъ пусть потребуютъ знака согласія (вѣроятно поднятія рукъ, о которомъ говорить Зонара, соотвѣтственно слову *χειροτονία*), а какъ скоро дадутъ его, пусть умолкнутъ. Когда настанетъ молчаніе, одинъ изъ первыхъ епископовъ, вмѣстѣ съ другими двумя, (этимъ объясняется необходимость троицъ по канону), ставъ подлѣ жертвенника, между тѣмъ, какъ прочіе епископы и пресвитеры молятся тайно, а діаконы держатъ надъ главою рукополагаемаго раскрытыя божественныя Евангелія, пусть говорить къ Богу. (Слѣдуетъ молитва). По окончаніи этого моленія, прочіе священники пусть говорятъ „аминь“, а съ ними и весь народъ. Послѣ молитвы одинъ изъ епископовъ пусть даетъ въ руки рукоположеннаго жертву. А на утро прочіе епископы пусть помѣщаютъ его на принадлежащій ему престолъ и всѣ привѣтствуютъ его цѣлованіемъ о Господѣ“ (VIII, 6.).

Глубоко ошибаются и грѣшатъ противъ самаго понятія о Церкви держащіе предпологать и утверждать, что великій и святой соборъ Никейскій составлялъ новыя правила въ отмѣну старымъ, устранялъ ранѣ существовавшіе каноническіе порядки, а черезъ то такъ или иначе упразднялъ и видоизмѣнялъ апостольское преданіе. Совершенно наоборотъ: изъ двадцати его правилъ двѣнадцать составляютъ только указанія на необходимость руководствоваться древнимъ канонемъ или обычаемъ. Семь составляютъ рѣшенія по частнымъ случаямъ, относятся къ такимъ новымъ явленіямъ церковной жизни, которыя прежними канонами не могли быть предусмотрѣны (отпадшіе въ гоненіе Лицінія, Новаціана, Павликіане, лихоимство клириковъ, введеніе въ дома епископовъ и другихъ клириковъ женщинъ, не состоящихъ ни женами ихъ, ни явными сожительницами, ни родственницами, такъ называвшихся на западѣ *virgines subintroductae*, а на востокѣ Златоустомъ и настоящимъ канонемъ *οὐκ ἐπίβατοι*, т. е. по опредѣленію Златоуста нѣчто въ родѣ духовныхъ сестеръ или платоническихъ возлюбленныхъ). Такимъ образомъ самостоятельнымъ постановленіемъ общаго характера являлся бы только четвертый канонъ. Но таковымъ могъ бы быть онъ только въ трехъ случаяхъ, т. е. 1) если бы канона сколько нибудь соотвѣтствующаго ранѣ вовсе не существовало, 2) если бы соборъ намѣревался упразднить

прежній канонъ и дать вмѣсто него новый и 3) если бы соборъ, сохраняя прежній канонъ во всей его полнотѣ и подразумѣвая его извѣстнымъ, желалъ только сдѣлать къ нему нѣкоторое, вызываемое обстоятельствами, добавленіе. Только послѣднее предположеніе является допустимымъ. Канонъ о постановленіи епископовъ существовалъ и ранѣе; на него ссылается и на него опирается шестое правило самого собора. Если соборъ отмѣнилъ предшествовавшее рукоположенію избраніе клиромъ и народомъ, то онъ отмѣнилъ его не рѣчью, а молчаніемъ. Но если руководиться мнѣніемъ, что соборъ отмѣняетъ правиломъ все, о чемъ прямо въ немъ не упоминаетъ, то необходимо заключить что соборъ опредѣлилъ ставить епископовъ безъ предварительнаго испытанія и одобренія (*δοξασίας*), а между тѣмъ о необходимости и выполненіи такого одобренія гласятъ всѣ памятники церковной жизни, начиная отъ апостольскаго посланія, Климента Римскаго и Тертуліана вплоть даже до такихъ законодательныхъ памятниковъ, какъ Прохиронъ, Эпанагога византійскихъ императоровъ. Итакъ, если мы допустимъ, что содержаніе одного или нѣсколькихъ каноновъ, на которые опирается Никейскій соборъ соотвѣтствовало приведенному выше канону Апостольскихъ Постановленій, къ чему мы безусловно уполномочиваемся сообразностью съ этимъ канонъ всей указанной нами церковной практики, не исключая и дѣятельности самихъ соборовъ, то остается опредѣлить, въ чемъ заключалось сдѣланное соборомъ добавленіе. Въ чемъ усматривалъ соборъ неполноту и что должно быть оговорено. Не сказано было о числѣ епископовъ необходимомъ для поставленія; не сказано, какъ поступать въ случаѣ, если всѣ епископы области не могутъ собраться; не сказано, кого нужно почитать старѣйшимъ епископомъ. И вотъ соборъ опредѣляетъ, что, хотя и всѣмъ епископамъ области необходимо было бы присутствовать при поставленіи епископа (точнѣе при посаженіи его на престолъ), но, если сіе невозможно, то достаточно наличнаго присутствія трехъ при письменномъ выраженномъ согласіи всѣхъ остальныхъ, при чемъ старшій изъ епископовъ, отъ котораго исходитъ все совершаемое (т. е. напримѣръ всѣ вопрошанія къ народу: тотъ ли это и достоинъ ли онъ?) есть митрополитъ. Можно даже предположить, что Никейскій соборъ не только умал-

чивается о предварительномъ избраніи епископа и его одобреніи народомъ, но умалчиваетъ и о самомъ его рукоположеніи, подразумѣвая, конечно, необходимость каждаго изъ этихъ актовъ, ибо подъ хиротоніей можно подразумѣвать и послѣдній актъ, выражающій согласіе на посвященіе, т. е. протягиваніе рукъ народомъ ¹⁾).

IV.

Двухсотлѣтнее отсутствіе соборовъ и современное положеніе высшей іерархіи, не избираемой какъ встарь самими церквами т. е. клиромъ и народомъ самихъ вдовствующихъ церквей, обязательно требуетъ участія на соборахъ низшей іерархіи и мірянъ. Такъ разсуждаютъ составители записки. Преосвященный Антоній возражаетъ на это, что положеніе высшей іерархіи не потерпѣло существенно, что и въ древней церкви епископы не были избранниками самихъ церквей, а потому и участіе на соборахъ клира и народа не представляется и въ настоящее время ни необходимымъ, ни канонически оправдываемымъ. Но невѣрность этой первой посылки уже доказана выше, а потому и дѣлаемый изъ нея выводъ оказывается лишеннымъ основанія. Если же современное епископство, какъ не избранное, а назначенное со стороны и при томъ назначенное даже вопреки содержанию въ канонахъ, предпосылающихъ избраніе и одобреніе церквами, не можетъ быть выразителемъ нуждъ и потребностей Церкви, то совершенно понятно, что по крайней мѣрѣ первый соборъ, въ качествѣ своего рода предтечи имѣющаго быть возстановленнымъ соборнаго управленія, обязательно, хотя бы и въ видѣ исключенія, долженъ обнимать собою всѣ части церковнаго тѣла. Хотя бы этого никогда и не бывало прежде, это обязательно должно быть теперь, ибо никогда не бывало и такой обособленности частей церковнаго тѣла, такой разрозненности ихъ, какую мы видимъ теперь, а потому и такой необходимости возсоздать единство разрозненнаго. А что такое участіе всѣхъ вѣрующихъ на соборѣ по крайней мѣрѣ не противорѣчитъ преданному строю, свидѣтельствуетъ апостольскій соборъ, какъ первая и существенная страница Преданія по отношенію къ соборному

¹⁾ См. приложеніе.

управленію. Хотя бы и не было въ скудно сохраненныхъ намъ исторіей памятникахъ никакого другого свидѣтельства объ участіи мірянъ и священнослужителей на соборахъ, этого одного свидѣтельства, болѣе чѣмъ достаточно для признанія такого участія по крайней мѣрѣ допустимымъ, если того требуютъ нужды церкви. Да иначе и быть не можетъ, если помышлять не о словахъ и формулахъ, а о дѣлѣ и его исполненіи. Спрашивается, что полезнѣе и желательнѣе для Церкви. То ли, чтобы соборъ состоялъ не изъ однихъ епископовъ, но былъ признанъ церковью или то, чтобы онъ состоялъ изъ однихъ епископовъ, но рисковалъ не быть признаннымъ церковью. Каковы же будутъ или могутъ быть послѣдствія такого непризнанія. Предвидѣть ихъ совершенно не трудно. Епископы выработаютъ и утвердятъ на соборѣ проектъ устройства, но рѣшеніе ихъ не получить силы только отъ того, что будетъ единогласнымъ желаніемъ всѣхъ епископовъ. Но церковь скажетъ, что не одобряетъ такого устройства дѣлъ, не желаетъ его и признаетъ не соответствующимъ ни дѣйствительнымъ ея потребностямъ, ни хранимому ею преданію. Права или неправа будетъ эта невольна отрѣшенная отъ епископовъ церковь, но расколъ произойдетъ, а его то и необходимо избѣгнуть. Церковь не можетъ быть безъ епископовъ, но и епископы не могутъ быть безъ Церкви, а потому всѣ, составляя одно тѣло, естественно должны носить тяготы другъ друга. Епископы могутъ упрекать несогласную съ ними паству въ непокорности, въ неpravославіи, въ отступленіи отъ старыхъ началъ... Но вѣдь и паства не преминетъ обратиться къ нимъ съ требованіемъ указать то мѣсто Писанія, и тотъ канонъ, которыми управленіе въ Церкви и устройство дѣлъ церковныхъ, безъ нихъ немислимыя, поручались бы *исключительно только* имъ съ категорическимъ устраненіемъ всякаго иного участія. И не найдутъ они указаній на нераздѣлимость власти своей ни въ Писаніи ни въ Преданіи, а паствѣ не трудно будетъ привести образцы и примѣры какъ разъ противоположныя, а потому, если пастыри не убѣдятся сами, то никоимъ образомъ не найдутъ духовныхъ, умственныхъ средствъ для свободнаго убѣжденія паствы. Не они, а паства будетъ окована броней Писанія и Преданія. И не будетъ надобности для паствы изобрѣтать и подыскивать слова для увѣщанія отрѣшающихся отъ нея епископовъ. Словами

Апостола обратится она къ нимъ. „Пастырей, скажетъ она, умоляю, какъ причастница славы, имѣющей открыться: пасите сущее у васъ стадо Божіе не принужденно, но добровольно, не корыстолюбиво, но благосклонно, не какъ господствующіе надъ удѣломъ, но какъ становящіеся образцомъ паствы“ (1 Петр. V, 1—3). „Не какъ господствующіе надъ удѣломъ“, т. е. не такъ, какъ цари народовъ, требующіе отъ удѣловъ полной и безусловной покорности, не какъ мірскія власти, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ правѣ требовать слѣпаго повиновенія, покорности безъ разсужденія.. Вы же не такъ. Большой между вами да будетъ всѣмъ слуга. Гдѣ же сказано: да будетъ всѣмъ правитель, распорядитель, начальникъ. Отношенію пастырей къ паствѣмъ уподобляетъ Апостолъ не отношеніе старшихъ къ младшимъ въ Церкви, а отношеніе младшихъ къ старшимъ, полагая смиреніе въ основу всѣхъ таковыхъ отношеній. „Подобно сему, говоритъ онъ, ибо *δμοίως* никогда не значитъ также, *etiam*, но всегда—только, такимъ же или равнымъ образомъ, одинаковымъ образомъ, сходственно“. Такъ какъ пастыри, являющіеся образцомъ стаду, не господствуютъ, не владѣютъ, надъ удѣломъ, подчиняйтесь младшіе старшимъ и всѣ подчиняясь другъ другу (*ἀλλήλοις ὑποτασσόμενοι*), одѣньтесь въ смиренномудріе, ибо „Богъ гордымъ противится, смиреннымъ даетъ благодать“. Такова, по существу, мысль, Апостола. Но что же обозначаетъ это отсутствованіе господствующихъ и владѣющихъ въ Церкви и обязательное въ ней соподчиненіе всѣхъ, какъ старшихъ, такъ и младшихъ, подъ которыми, какъ видно напримѣръ изъ посланія Климента Римскаго, подразумѣваются отнюдь не старшіе и младшіе по возрасту, а старшіе и младшіе по служенію, не могущіе начальствовать другъ надъ другомъ? Что обозначаетъ это соподчиненіе всѣхъ другъ другу, если не полноту общенія въ жизнедѣятельности церковной, если не признаніе, что церковь во всемъ дѣйствуетъ сообща, что выражается и словами Апостола Павла, по которымъ тѣло Христово—Церковь созидается дѣйствіемъ въ мѣру cadaго изъ ея членовъ.

Необходимо отрѣшиться разъ навсегда и отрѣшиться всецѣло отъ отрицающаго Церковь, по самому ея существу, предположенія, что Церковь для осуществленія какихъ бы

то ни было рѣшеній ея можетъ опираться на государственную власть, не обращаясь только въ часть государственнаго управления и не переставая быть Церковью. Но, если отпадетъ отъ рѣшеній епископскихъ поддержка государственной власти, то что же будетъ придавать рѣшеніямъ этимъ силу, если не будетъ на нихъ согласія всей Церкви и всѣхъ Церквей, если самыя рѣшенія не станутъ прямо или косвенно рѣшеніями самой Церкви и самихъ Церквей? Разумѣется, ничто. Православная Церковь не признаетъ авторитета епископской непогрѣшимости, а быть начальниками, владычествующими, господствующими епископамъ не только не предоставлено, но и возбранено, ибо только о Христѣ говорится въ Писаніи, что Онъ владычествуетъ и при томъ надъ мертвыми и живыми въ силу смерти Своей и воскресенія (Римл. XIV, 9).

Итакъ, первый послѣ долгаго молчанія и бездѣйствія церковнаго, соборъ всероссійской церкви, возстановительный, такъ сказать, соборъ не только въ силу всего выше изложеннаго можетъ, но и обязательно долженъ быть всецерковнымъ соборомъ, ибо церковь не можетъ признавать своимъ рѣшеніемъ рѣшеніе отчужденныхъ отъ нея епископовъ, ею не избранныхъ и ею не одобренныхъ, для значительно большей части ея почти неизвѣстныхъ и въ свою очередь почти невѣдующихъ ея, въ чемъ виноваты, однако, не паства и даже не пастыри, а несоотвѣтствующій цѣлямъ и стремленіямъ Церкви ея строй, въ ней господствующій и насильственно ей навязанный. Изъ кого же должны состоять послѣдующіе, очередные соборы, вѣдающіе текущее устройство церковной жизни, если первый соборъ возстановитъ избраніе епископовъ клиромъ и народомъ церквей. Епископы станутъ тогда естественными представителями своихъ церквей, а потому участіе ихъ на соборахъ могло бы обеспечивать правильность рѣшеній съ согласія церквей ихъ избравшихъ. Но существуютъ ли препятствія и къ болѣе полному представительству церквей на соборахъ и къ болѣе полной организаціи самыхъ соборовъ. Совершенно справедливо указываетъ преосвященный Антоній на то, что правила соборовъ говорятъ только о соборахъ епископовъ, объ обязанности однихъ только епископовъ прибывать на соборы и совершенно молчать объ участіи народа и клира. Но развѣ молчаніе собор-

наго постановленія обязательно понимать въ смыслѣ соборнаго воспрещенія. Мы уже видѣли, что всѣ соборныя правила молчатъ о предварительномъ избраніи епископовъ клиромъ и народомъ церквей, хотя именно такъ избирались самые отцы соборовъ и преемники ихъ, да такъ наставляли и соборы поступать во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ. При томъ же, если соборъ ограничивался предъявленіемъ меньшаго требованія, не слѣдуетъ, чтобы онъ осуждалъ возможность большаго. Такъ на примѣръ, изъ того, что правила говорятъ о необходимости двухъ или по крайней мѣрѣ одного областного собора въ годъ, не слѣдуетъ еще, чтобы ихъ не могло быть три, четыре и болѣе, если того потребуетъ нужда церковная и обстоятельства будутъ позволять это. Развѣ можно сказать, что третій въ годъ областной соборъ, если бы таковой случился, будетъ уже незаконнымъ и не каноническимъ? Соборы, на примѣръ, совершенно молчатъ объ устройствѣ приходоу, о церковной жизни и дѣятельности въ приходоу,—молчатъ отъ того, что во время законодательной дѣятельности ихъ приходоу еще только начали слагаться, ибо церковная жизнь изъ городовъ и пригородовъ еще только начала переходить въ села и деревни, не представлявшіяся еще при томъ такими отдѣльными и самостоятельными общественными единицами, какъ теперь. Заключать ли изъ того, что всякое устройство и развитіе приходской жизни будетъ противорѣчить канонамъ, такъ какъ каноны о ней молчатъ? Разумѣется, нѣтъ. Только въ томъ случаѣ, если бы канонъ прямо и опредѣленно говорилъ, что соборы могутъ состоять изъ однихъ только епископовъ, а участіе въ нихъ священнослужителей и мірянъ возбраняется, какъ вредоносное для Церкви, мы могли бы еще слѣдовать требованіямъ каноновъ и удивляться ихъ несогласію съ практикою Апостоловъ. Но каноны объ этомъ въ свою очередь такъ же молчатъ, а потому и вся аргументація преосвященнаго Антонія представляется совершенно неосновательной. Въ заключеніе считаемъ долгомъ сказать, что законодательная дѣятельность Церкви, какъ видно изъ древнѣйшихъ каноновъ, сосредоточивала вниманіе и заботу отнюдь не на составѣ соборовъ, который при нормальномъ теченіи и развитіи церковной жизни, представляется сравнительно не существеннымъ, а на іерархической послѣдовательности соборовъ, какъ этаповъ церковнаго единенія

и возстановленія могущихъ и въ Церкви возникать нарушеній справедливости и посягательствъ на свободу вѣрующихъ. Канонъ и является въ этомъ отношеніи обезпеченіемъ свободы всѣхъ и свободы каждаго, какъ и опредѣляетъ его назначеніе одно изъ правилъ 3-го Вселенскаго Собора. Мѣстная церковь, представляемая епископомъ, хотя бы и совѣщающимся съ клиромъ и народомъ, въ очахъ Вселенской Церкви не довлѣетъ самой себѣ, какъ власть надъ народомъ и преимущественно надъ клиромъ; отлученный или изверженный ею еще можетъ доказать правоту свою и возстановить церковное свое достоинство, поправное могущею погрѣшати и заблуждаться отдѣльною церковью, на соборѣ нѣсколькихъ церквей, группирующихся около главнаго города (митрополіи) области—на митрополичьемъ или областномъ соборѣ. Но и этотъ соборъ можетъ въ свою очередь погрѣшати, быть пристрастнымъ, а церковныя права—права слишкомъ священныя, чтобы можно было ставить ихъ въ зависимость отъ личнаго или собирательнаго самоуправства, отъ возможности заблужденій. Вѣдь можетъ имѣть мѣсто и „разбойничій соборъ“. И вотъ Церковь предоставляетъ искать возстановленія этихъ правъ на большемъ, на великомъ соборѣ, на соборѣ великой области или патріархата. Соборы—этапы церковнаго разсмотрѣнія, обезпечивающіе свободу вѣрующихъ.

Но іерархія соборовъ имѣетъ и другую еще цѣль—поддержаніе церковнаго единства. Церковь едина и должна быть единою, а если бы не было живаго, постояннаго общенія между церквами, то самостоятельная жизнь отдѣльныхъ церквей, принимая чисто индивидуальный характеръ, что само по себѣ совершенно законно и даже отчасти составляетъ заслугу, впадала бы и въ неразрывно связанную со всякой индивидуальностью односторонность, неполноту и недостаточность, отклоняясь отъ полноты и широты идеала. Только пребывая въ живомъ и постоянномъ общеніи другъ съ другомъ отдѣльныя церкви восполняютъ другъ друга и восполняются другъ другомъ, живутъ, въ своихъ предѣлахъ каждая, всечеловѣческой или всецерковною жизнью, мысленно и молитвенно, въ своихъ предѣлахъ каждая, обнимають вселенную и не отрываются отъ нея, не утрачиваютъ связь съ нею, какъ съ цѣлымъ. Эта, коренная забота Церкви рано выра-

жаются въ ея исторіи. Мы видимъ древнія церкви Галліи въ сношеніи съ церквами Малої Азіи, Африканскія церкви съ Римомъ и Антиохіей; Испанія и Ирландія сносятся съ церквами запада и востока. Соборы, какъ этапы объединенія, живымъ словомъ и живымъ обмѣномъ мыслей преслѣдуютъ ту же цѣль. Греческій подлинникъ нашего символа вѣры говоритъ о вселенской церкви, слѣдуя терминологіи отцовъ второго и третьяго вѣка. Русскій переводъ говоритъ о соборной церкви; по существу оба говорятъ одно и то же. Подлинникъ говоритъ о назначеніи Церкви объять весь міръ и о единствѣ ея во всемъ мірѣ, не смотря на различіе языковъ и народовъ; переводъ свидѣтельствуетъ о проявленіяхъ этого вселенскаго характера Церкви, о средствахъ, которыми осуществляется ея назначеніе. Устраните соборы, какъ этапы и органы церковнаго единенія, и вселенскій характеръ Церкви тускнѣетъ и забывается, что и свидѣтельствуетъ намъ переживаемый, а, дай Богъ, и доживаемый періодъ безсоборности. Обращая вниманіе на эту существенную часть назначенія соборовъ, какъ органовъ обезпеченія религіозной и дѣятельной свободы и какъ органовъ церковнаго единенія, каноны выражаются неопредѣленно о ихъ составѣ, указывая только на епископовъ, какъ на непремѣнныхъ ихъ членовъ и требуя отъ епископовъ обязательнаго участія на соборахъ.

V.

Преосвященный Антоній весьма много и пространно говоритъ о значеніи монашествующаго элемента въ Церкви, и превосходствѣ епископовъ-монаховъ отъ начала передъ епископами изъ вдовыхъ священниковъ, пріявшихъ монашество и т. п. Спрашиваемъ преосвященнаго Антонія: какимъ правиломъ, какимъ постановленіемъ церковнымъ допускается монашествующимъ принимать на себя епископское достоинство? Соборъ бывшій при Фотіи патриархъ прямо говоритъ, что по несовмѣстимости монашескихъ обѣтовъ съ обязанностями епископа, послѣдній не долженъ давать ихъ, если хочетъ сохранить свое званіе (Прав. 1). Если же обязанности епископа несовмѣстимы съ обѣтомъ иночества, то совершенно понятно, что и монашествующій не можетъ принимать епископства, не являясь нарушителемъ своего обѣта

т. е. своего рода ренегатомъ. Ссылаться на повиновение призывающимъ, повиновение Церкви, на своего рода духовное насилие, оказанное призывомъ, было бы лицемеріемъ. Ни для кого не тайна, что монашество въ весьма значительномъ количествѣ случаевъ и принималось въ перспективѣ епископства, принималось съ намѣреніемъ отрѣшиться, когда настанетъ пора, отъ нѣкоторой части даваемыхъ обѣтовъ. Но указываемое выше правило само по себѣ не достаточно авторитетно, хотя и включено почему то въ Книгу Правиль. Положеніе монашества въ Церкви совершенно категорично указываетъ четвертый Вселенскій Соборъ. „Монашествующіе въ каждомъ градѣ и странѣ да будутъ въ подчиненіи у епископа, да соблюдаютъ безмолвіе, да прилежать только посту и молитвѣ, безотлучно пребывая въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ отрелись отъ міра, да не вмѣшиваются ни въ церковныя ни въ житейскія дѣла и да не приемятъ въ нихъ участія, оставляя свои монастыри развѣ токмо тогда, когда будетъ сіе позволено епископомъ града по необходимой нуждѣ. (Правило 4). Возникновеніе этого правила весьма легко объясняется тѣми смятеніями, и не порядками, которыя во время монофизитской ереси производились вмѣшивавшеюся въ церковную жизнь многочисленностью монаховъ. Противузаконность такого вмѣшательства выводитъ соборъ изъ составившагося и опредѣлившагося уже въ тѣ времена понятія о монашествѣ, налагающемъ цѣлый рядъ несовмѣстимыхъ съ церковною и общественною жизнью обязанностей. Безмолвіе исключаетъ возможность обязательнаго учительства: безотлучное пребываніе въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ (монастыри)—возможность обязательнаго посѣщенія мѣстной и сосѣднихъ церквей; подчиненіе—возможность управления другими и т. д. Практика древней церкви отнюдь не противорѣчитъ этому правилу и не даетъ поводовъ къ признанію его необязательности. Златоусты, Василии Великіе и Григоріи Богословы стремились къ уединенію и отшельнической жизни, а затѣмъ приносили свои стремленія въ жертву церковному дѣлу, но они не были монахами въ позднѣйшемъ значеніи этого слова; они не давали обѣтовъ на всю жизнь, не связывали себя передъ Церковью и въ самомъ своемъ пустынножителствѣ видѣли только временную школу, временное духовное упражненіе. Ссылаются на то, что Теофилъ

Александрійскій изъ одной обители взялъ 7 или 8 человекъ для рукоположенія во епископовъ. Но если всё вообще дѣйствія Теофила Александрійскаго признавать законными, то надо будетъ придти къ заключенію, что Александрійскіе епископы въ правѣ претендовать на вселенское первенство, въ правѣ вторгаться въ Константинопольскую церковь, устраивать въ ней подъ покровительствомъ Императорской власти противузаконные соборы, а именно все это производилъ Теофилъ Александрійскій, чтобы погубить Іоанна Златоустаго. Очень можетъ быть, что властолюбивый Теофилъ Александрійскій дѣйствительно набиралъ въ свою область епископовъ изъ монаховъ, дабы упрочить и увеличить свою власть и имѣть въ нихъ покорныя орудія своего произвола; но фактъ этотъ, если онъ и вѣренъ, свидѣтельствуешь только о злоупотребленіи, а не о томъ, что должно было быть. Къ тому же единоличныя избранія епископовъ Теофиломъ противорѣчили бы не только всей церковной практикѣ того времени, но и самимъ канонамъ. Св. Исидоръ Пелузскій рисуетъ намъ самую ужасную картину положенія Александрійскихъ церквей во времена Теофила, а самого властолюбиваго тщеславнаго патріарха предаешь суровому осужденію. Примѣръ Теофила Александрійскаго свидѣтельствуешь такимъ образомъ только о томъ, чего не должно быть въ Церкви.

Ссылаются также и на то, что Аванасій Александрійскій не только упрекалъ поставленнаго уже епископомъ и пріятшаго уже благодать монаха Драконтія въ отказѣ отъ принятія епископства, но и указывалъ ему, что „не онъ одинъ поставленъ изъ монаховъ, не онъ одинъ настоятельствовавъ въ монастырѣ и любимъ былъ монахами“, подтвержая слова эти перечисленіемъ шести епископовъ изъ монаховъ. Но Аванасій Александрійскій прямую, дѣйствительную причину отказа Драконтія усматриваетъ въ „страхѣ іудейскомъ“, въ боязни того преслѣдованія ссылками и казнями, которымъ подвергались тогда всё вѣрныя православію епископы. Только наряду съ этою главенствующею причиною указываетъ Аванасій на удерживающее вліяніе совѣтниковъ Драконтія. Что же? Утверждаетъ ли онъ, что совѣтники опираются на данныя Драконтіемъ обѣты, связующіе его дѣйствія, препятствующіе ему принять служеніе Церкви? Нѣтъ! Онъ говоритъ о возможности предположить, что Драконтіи и обѣщаль сво-

имъ совѣтникамъ не принимать врученнаго ему епископства, внушаетъ ему не держать этого обѣщанія, но ни о какихъ соединенныхъ съ самымъ принятіемъ монашества жизненныхъ обѣтахъ не говоритъ ни слова. Не упоминаютъ ни полусловомъ о какихъ либо монашескихъ обѣтахъ и самые совѣтники, какъ изображаетъ доводы ихъ Св. Аѳанасій. „Поэтому“, говоритъ онъ, ссылаясь на примѣръ Апостоловъ, „не вѣрь тѣмъ, которые говорятъ, будто бы епископство—поводъ къ грѣху... Знаемъ и епископовъ постящихся и монаховъ ядущихъ; знаемъ епископовъ, не піющихъ вина и монаховъ піющихъ; знаемъ и епископовъ, творящихъ знаменія и монаховъ не творящихъ. Многіе изъ епископовъ не вступали въ бракъ, а монахи были отцами чадъ, а знаемъ также и епископовъ, бывшихъ отцами чадъ, и монаховъ послѣдними въ родѣ“. „Для чего совѣтуютъ тебѣ не принимать епископства, сами желая имѣть у себя пресвитеровъ. Если ты не способенъ,— пусть не имѣютъ съ тобою общенія. А если признаютъ тебя способнымъ, пусть не завидуютъ другимъ. Если учить и предстоятельствовать, по словамъ ихъ, служить поводомъ къ грѣху, то пусть сами не учатся и не имѣютъ у себя пресвитеровъ, чтобы и самими и учащими ихъ не сдѣлаться худшими самихъ себя. Но не внимай этимъ чловѣческимъ вѣщаніямъ, не слушай подающихъ такіе совѣты“. (Творенія, II, 1—11). Совершенно ясно, что во времена Аѳанасія Александрійскаго монашество отнюдь не было еще тѣмъ связаннымъ обѣтами цѣлымъ, какимъ опредѣлилось оно во времена Халкидонскаго собора, имѣвшаго въ виду уже скрѣпленное уставами специальное служеніе, не совмѣстимое съ служеніемъ Церкви, каковымъ является оно и въ настоящее время. Совѣтники Драконтія ссылаются не на несовмѣстимость епископства съ монашествомъ, а на предосудительность епископства для монашествующихъ, въ виду нравственнаго, по мнѣнію ихъ, превосходства монашества надъ служеніемъ Церкви. Такъ рассуждала, конечно, и въ тѣ времена только одна часть неоформленнаго еще монашества, руководимая, можетъ быть, въ свою очередь тѣмъ же „страхомъ іудейскимъ“, съ котораго начинается Аѳанасій свое посланіе. Но этотъ то страхъ іудейскій можетъ объяснять и причину рукоположенія сравнительно многихъ монашествующихъ въ тяжелыя и опасныя времена, въ которыя писалъ

свое посланіе Аѳанасій. Рукополагаемый во епископа остающимся еще вѣрнымъ православію ничтожнымъ сонмомъ епископовъ, обрекаль себя на почти безусловно вѣрную ссылку, изгнаніе, гоненіе, казнь.. Совершенно понятно, что люди съ высшимъ самоотверженіемъ, люди преимущественно не связанные ни имуществомъ, ни семьями,—люди напередъ отрѣшившіеся отъ таковыхъ могли скорѣе всего принимать на себя открытое и отвѣтственное служеніе Церкви, неразрывно сопряженное съ такими опасностями. Отъ нихъ смѣло и свободно могла требовать и сама Церковь принятія такого служенія. Но все это объяснялось только обстоятельствами времени и не можетъ быть принимаемо за вѣчный образецъ.

Приводятъ еще съ легкой руки епископа Іоанна (Смоленскаго) свидѣтельство Григорія Богослова „о нашихъ назорейхъ, на которыхъ, однихъ, по крайней мѣрѣ большею частью должны бы лежать такія избранія“. Русскій переводчикъ поясняетъ въ примѣчаніи слово назорей—словомъ „монашествующіе“. Но изъ этого слѣвовало бы заключить, что одни монахи или назорей должны были бы быть избирателями, а о монашествѣ избираемыхъ не было бы сказано ни одного слова, даже если бы и предполагать, что подъ назорействомъ подразумѣвается уставное монашество, а не свободные подвижники, подобно самому говорящему и Василию Великому, объ избраніи котораго и идетъ рѣчь. Но тогда, какъ же могъ бы говорить Григорій Богословъ о главенствѣ и заслугахъ въ этомъ избраніи своего отца—женатаго епископа, который никакъ не могъ уже быть почтенъ назореемъ въ смыслѣ монашествующаго. „Посему, говоритъ онъ объ отцѣ въ томъ же словѣ, писалъ онъ, увѣщеваль, соглашалъ народъ, священниковъ и всѣхъ служащихъ алтарю, свидѣтельствовалъ, подаваль голось, рукополагаль даже заочно т. е. выражалъ согласіе на рукоположеніе, согласно 4 Ник. правилу) и заставляль чужихъ, подобно своимъ уважать сѣдину“ (Творенія, II, 113). И ни намека не дѣлаетъ Григорій Богословъ на то, что отецъ его трудился такъ понапрасну, такъ какъ было бы лучше, если бы народъ, священники, служители алтаря вовсе не принимали никакого участія въ дѣлѣ избранія, а избирателями явились бы только одни назорей или одни монахи. Какъ же согласить это ка-

жущееся противорѣчіе? А очень просто. Стоитъ только взять все повѣствованіе въ совокупности, а не выхватывать изъ него одной только фразы. „Споры, говоритъ Св. Отецъ описывая избраніе Василія Великаго, были тѣмъ безразсуднѣе, чѣмъ жарче, ибо небезъизвѣсно было, кто преимуществуетъ передъ всѣми, какъ солнце передъ звѣздами. Каждый видѣлъ это ясно, особенно всѣ почтеннѣйшіе и безпристрастнѣйшіе изъ гражданъ, всѣ принадлежащіе къ алтарю и наши назореи, на которыхъ однихъ, по крайней мѣрѣ болѣею частью должны были бы лежать такія избранія, въ какомъ случаѣ Церковь не терпѣла бы никакого зла, тогда какъ избранія сія зависятъ отъ людей богатыхъ и сильныхъ, а еще болѣе отъ безразсудства и буйства черни, даже между чернью отъ людей самыхъ послѣднихъ“. (Творенія II, 112). Итакъ, что же говоритъ Григорій Богословъ. Онъ говоритъ только о томъ, что на избирателяхъ сказывается вліяніе сильныхъ и богатыхъ, вліяніе буйства и безразсудства черни и что желательнѣе было бы участіе въ выборахъ только безпристрастнѣйшихъ и почтеннѣйшихъ изъ гражданъ, всѣхъ служителей алтаря и нашихъ назореевъ, на которыхъ однихъ (не назореевъ, а всѣхъ перечисленныхъ) должны были бы лежать такія избранія. Другими словами, Григорій Назіанзинъ желаетъ, чтобы вліяніе на выборы сильныхъ и богатыхъ, равно какъ и вліяніе буйной черни, очевидно являющейся орудіемъ тѣхъ же богатыхъ и сильныхъ, было такъ или иначе устранено. Можно ли изъ сего заключить, что Григорій Назіанзинъ осуждаетъ вообще участіе клира и народа въ дѣлѣ епископскаго избранія? На это опять въ приведенныхъ выше словахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека, а въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ и положительное одобреніе. Въ похвальномъ словѣ Аванасію Александрійскому онъ говоритъ: „Такъ и для такихъ причинъ, по приговору народа, *не въ подражаніе худому образцу превозможшему въ послѣдствіи*, не помощью убійствъ и насилій, возводится онъ на престолъ Марка преемникомъ его первосѣдательства, а не менѣе и благочестія; ибо хотя далекъ отъ него въ первомъ, но близокъ въ послѣднемъ. А въ этомъ собственно и надобно поставлять преемство; ибо единомысліе дѣлаетъ и единопрестольными, разномысліе же разнопрестольными. И одно преемство бываетъ только по имени, а другое въ самой вещи. Ибо

тотъ истинный преемникъ, кто не употребилъ, а развѣ потерпѣлъ принужденіе, кто возведенъ не преступивъ закона, но по закону и т. д.“ (Твор. II, 147). Этими словами Григорій Назіанзинъ „приговору народа“, возведшаго Аѳанасія на епископство и преемство евангелисту Марку, придаетъ значеніе дѣйствія по закону, исполненія требованій закона.

Такимъ образомъ каноны церковныя не только не благопріятствуютъ монашеству епископовъ, не только не требуютъ его, но прямо не допускаютъ его, усматривая въ монашествѣ обязательное устраненіе отъ всякаго вмѣшательства не только въ дѣла мірскія, но и въ дѣла церковныя, какъ противоположныя обязанностямъ, налагаемымъ даваемыми обѣтами. Приводимыя въ защиту монашества епископовъ свидѣтельства святыхъ отцовъ имѣютъ защитительное значеніе только въ связи со всѣмъ остальнымъ текстомъ, а въ совокупности съ остальнымъ текстомъ отнюдь ничего въ этомъ отношеніи не доказываютъ. Изъ сего явствуетъ, что монашество епископовъ представляетъ въ Церкви явленіе не каноническое и даже антиканоническое, а потому можетъ быть обсуждаемо только по существу. По существу же, двухъ мнѣній не можетъ быть. Предосудительно монаху освобождаться отъ данныхъ имъ обѣтовъ, дабы получить епископское достоинство. Предосудительно епископу быть связаннымъ обѣтами, которые не исполняются имъ, да и не могутъ быть исполняемы, какъ несомнѣстимые съ епископскимъ служеніемъ. Существованіе неисполняемыхъ обѣтовъ, добровольное отреченіе отъ обѣтовъ, нѣкогда добровольно же данныхъ, не можетъ не вносить двойственности и разлада въ нравственный міръ епископа, а потому не можетъ не вносить двойственности и разлада и въ нравственный міръ Церкви. Мы говоримъ, конечно, о тѣхъ только случаяхъ когда епископъ серьезно относится какъ къ даннымъ имъ при постриженіи обѣтамъ, такъ и къ принятому имъ черезъ рукоположеніе епископству. Скажутъ, что Церковь, отвлекая инока отъ монастыря и возлагая на него высшее служеніе, освобождаетъ его и отъ произвольно данныхъ имъ Богу обѣтовъ. Но во первыхъ въ число монашескихъ обѣтовъ вовсе не входитъ повинненіе Церкви въ широкомъ значеніи этого слова, обязанность покинуть монастырь и избранный, уставной строй жизни по какому либо ея требованію. Если бы такая обязанность существовала, то не только епи-

скопъ, но и псаломщиковъ и чтецовъ могла бы свободно вербовать себѣ Церковь изъ числа избравшихъ монашеское житіе, а въ этомъ случаѣ обители, конечно, опирались бы на исключаящій участіе въ церковныхъ дѣлахъ особенный видъ своего служенія. Во-вторыхъ служеніе епископское представляется высшимъ только въ очахъ всей Церкви, но отнюдь не въ сознаніи искренно возлюбившихъ иноческое житіе. Прочтите Исаака Сирина и вы увидите, что высшее служеніе Богу есть служеніе Ему безмолвіемъ, созерцаемъ, подчиненіемъ уставу и т. д. Въ правѣ ли инокъ отказываться отъ того служенія, которое почитаетъ онъ высшимъ и наиболѣе угоднымъ Богу, чтобы по зову Церкви посвящать себя низшему и, по его мнѣнію, менѣе угодному Богу? Въ правѣ ли и Церковь требовать отъ него измѣны убѣжденію и направлять его на путь, менѣе, какъ онъ полагаетъ, содѣйствующій цѣлямъ спасенія? Такой жертвы могла бы требовать Церковь только въ случаѣ особо настоятельной нужды, когда именно силы посвятившаго себя монашеству, въ виду особаго изобилія даровъ ему присущихъ, являлись бы безусловно необходимыми для ея блага. И въ этихъ, конечно, безусловно рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ совершались бы оправдываемыя благомъ Церкви отступленія отъ закономѣрнаго каноническаго строя, но тогда по крайней мѣрѣ обоюдная жертва имѣла бы свое оправданіе.

Совершенно понятно, что монашество современныхъ епископовъ со всѣмъ вышеизложеннымъ не имѣетъ рѣшительно ничего общаго. Не будемъ, конечно, утверждать, что всѣ современные епископы только для того въ свое время и произносили иноческіе обѣты, чтобы, благодаря полученному ими высшему образованію, подниматься по іерархической лѣстницѣ къ освобождающему ихъ отъ значительной части этихъ обѣтовъ служенію. Но было бы, однако, лицемѣриемъ отрицать, что при произнесеніи обѣтовъ они не могли иначе, какъ съ сомнѣніемъ взирать на предстоящую вѣрность этимъ обѣтамъ, такъ какъ не могли не сознавать, что, вѣроятно, если не несомнѣнно, будутъ призваны къ занятію,—разумѣется не низшихъ, но высшихъ—должностей церковнаго служенія. Къ чему же давались и къ чему послужили обѣты. Если даже смотрѣть на иночество, какъ на школу, вырабатывающую церковныхъ дѣятелей, закаляющую ихъ для пред-

стоящей борьбы, возносящую на высоту сознанія внутренней свободы и независимости, то и такой взглядъ во всей современной практикѣ не будетъ имѣть себѣ оправданія. Гдѣ, въ какихъ Оиваидахъ проходятъ эту школу современные архипастыри? Въ какихъ обителяхъ нравственнаго совершенствованія производятъ они воспитывающіе ихъ подвиги подчиненія себя волѣ старшихъ, созерцанія, безмолвія и т. п. Церковная совѣсть побуждаетъ трезво смотрѣть на дѣло. Иночество пріобрѣтается въ большинствѣ случаевъ только какъ условіе къ служенію Церкви на высшихъ степеняхъ; обѣты никогда не исполняются во всей полнотѣ; школы не существуетъ, ибо жизнь кандидата во епископы проходитъ не въ монастырскомъ уединеніи, не въ послушаніи и безмолвіи, а въ послѣдовательномъ прохожденіи начальническихъ мѣстъ: инспекторовъ, ректоровъ, викаріевъ и т. д. Къ чему же вся эта игра поятіями? Къ чему отступленіе отъ канонівъ?

Впрочемъ, и самъ преосвященный Антоній говоритъ, что современные епископы, по существу не монахи, что они прилежатъ гораздо болѣе къ бѣлому духовенству, сочувствуютъ болѣе его жизни и его интересамъ, заняты болѣе его дѣлами, чѣмъ жизнью монастырей и т. д. Но тогда какой же смыслъ имѣетъ предварительное постриженіе? Въ томъ то и бѣда, что современные епископы даже не монахи, а нѣчто среднее между монахомъ и не монахомъ. Иными впрочемъ они и быть не могутъ, вслѣдствіе двойственности ихъ положенія.

VI.

Осуждая посягательства мірянъ на широкое участіе въ церковной жизни, преосвященный Антоній противопоставляетъ этимъ, незаконнымъ по его мнѣнію посягательствамъ епископское смиреніе и готовность къ самоотреченію. „Епископы, говоритъ онъ, первые подали примѣръ самопожертвованія. Теперь, стѣсненные въ своей церковной дѣятельности, они въ отношеніи личнаго благополучія и личной свободы предоставлены себѣ и могутъ допускать различныя вольности (?) безъ всякаго контроля. (Паству и сопресвитеровъ отказывается преосвященный Антоній считать въ числѣ стѣсняющихъ вольности епископа и потому контролируемыхъ элементовъ). Но вотъ они желаютъ имѣть надъ собою не только

патріарха, но и изъявляютъ готовность *подчиниться* митрополитамъ. Власть патріарха получить вѣдь только одинъ, а остальные 99 изъ безконтрольныхъ владыкъ сдѣлаются его *послушниками*: семеро—непосредственными, а прочіе 92—*послушниками митрополита*. Это столько же похвально со стороны епископовъ, сколько полезно для Церкви, ибо при ослабленіи общей церковной дисциплины необходима твердая *власть* и надъ всѣми нами“. Тотъ, кто хотя когда либо вдумчиво прочитывалъ опредѣляющіе строй церковный каноны, не можетъ не согласиться, что подобный проектъ могъ возникнуть только какъ плодъ той *вольности* епископовъ и того безконтрольнаго положенія ихъ, о которыхъ говоритъ преосвященный Антоній. Большой вольности нельзя себѣ и представить, ибо попораны всѣ сдерживающія начала Преданія. Упразднены единство и тождественность епископскаго достоинства; упразднено внѣсоборное невмѣшательство одного епископа въ дѣла другого, въ коемъ видѣли отцы Ефесскаго собора оплотъ церковной свободы. Митрополиту, который, по канонамъ не имѣетъ никакой власти помимо всѣхъ епископовъ области, предоставляется единоличная власть, а всѣ епископы становятся *послушниками митрополита*, какового термина никогда не вѣдала Церковь. И всѣ эти епископы, купно уже съ митрополитами становятся въ свою очередь *послушниками патріарха*. По истинѣ даже Петровская реформа не унижала до такой степени епископское достоинство на словахъ. Чѣмъ же тутъ хвалиться? Развѣ свободу въ невѣдѣніи каноническаго строя,—свободу пренебреженія имъ? Но есть ли тутъ въ дѣйствительности подвигъ смиренія и самопожертвованія? Утратить ли епископъ при такомъ смиреніи хотя часть своихъ вольностей? Епископъ будетъ подчиненъ митрополиту; но и теперь онъ подчиненъ Святѣйшему Синоду, а въ дѣйствительности и оберъ-прокурору, назначающему ему независимаго отъ него секретаря. О любой вольности епископа даже губернаторъ можетъ отписать оберъ-прокурору и т. д. Правда Синодъ одинъ, а митрополитовъ будетъ семь, но развѣ черезъ это образуется дѣйствительно близкая власть? Отдаленный отъ епископовъ и патріарха митрополитъ безспорно можетъ имѣть только фиктивный, кажущійся надзоръ за *вольностями* епископовъ; онъ будетъ разбирать жалобы и доносы, какъ теперь разбираетъ ихъ

Синодальное управление. Контроль надъ этими вольностями не только не сдѣлается болѣе сильнымъ, но вѣроятно, даже окажется болѣе слабымъ, ибо и митрополитъ будетъ, вѣроятно, также имѣть свои *вольности*. Итакъ, въ согласіи со стороны епископовъ на столь неканоническій строй церковнаго управления, мы никоимъ образомъ не можемъ усматривать ни смиренномудрія ихъ, ни самопожертвованія. Совершенно наоборотъ въ измышленіи такого контроля нельзя не усмотрѣть съ одной стороны желанія создать семь или восемь крупныхъ должностей, обеспечивающихъ возможность движенія по службѣ, а съ другой—стремленія обезпечить себя отъ того дѣйствительнаго, необходимаго и каноническаго контроля, какимъ можетъ явиться только возстановленіе соборнаго управления Церкви.

Итакъ, чѣмъ же хвалиться?

Преосвященный Антоній ставитъ въ упрекъ священнослужителямъ и мірянамъ ихъ пренебреженіе канонами, отъ которыхъ нельзя отступать, а отъ имени епископовъ предлагаетъ проектъ церковнаго управления, составляющій отступленіе отъ каноническаго установленія. Что это? или каноны обязательны для священнослужителей и мірянъ, а епископы свободны отъ нихъ? Пусть будетъ такъ. Признавая себя связанными основными канонами Церкви, мы не желаемъ и не можемъ допустить иного церковнаго строя, кромѣ начертаннаго апостольскимъ преданіемъ, выразившимся въ древнихъ канонахъ. Содержаніе всей настоящей записки пространно доказываетъ, что мы не желаемъ ничего, что не оправдывалось бы канонами и противорѣчитъ только непониманію ихъ или ложному пониманію ихъ. Какъ части церковнаго тѣла, мы не можемъ относиться къ епископамъ съ тѣмъ недружелюбіемъ и пренебреженіемъ, съ какимъ относится преосвященный Антоній къ священнослужителямъ и мірянамъ, а потому не можетъ согласиться ни съ прямымъ подчиненіемъ епископовъ и митрополитовъ патриарху, ни съ какимъ бы то ни было умаленіемъ и ограниченіемъ правъ и обязанностей, искони имъ присушихъ. Не можемъ не радоваться смиренію епископовъ или точнѣе готовности ихъ проявить такое смиреніе. Но вѣдь смиреніе видоизмѣняетъ и всю совокупность отношенія къ низшимъ и только тогда можетъ почитаться дѣйствительнымъ смиреніемъ; готовность же смиряться только

передъ высшимъ, передъ произвольно поставляемымъ начальствомъ, какъ готовность совершенно односторонняя, не есть еще смиреніе въ христіанскомъ значеніи слова и несравненно болѣе подходитъ подъ другое не столь почтенное наименованіе. Мы твердо вѣруемъ, что ради зодческаго преуспѣянія Церкви, какъ Тѣла Христова, православные русскіе епископы смиряются передъ признаніемъ полноты его и нераздѣлимости, смиряются передъ начертаннымъ канонами строемъ и дадутъ Церкви возможность жить и дѣйствовать въ полнотѣ общенія, памятуя умоляющій голосъ Апостола: „Пастыри, не господствуйте надъ удѣломъ“!

Приложеніе къ III главѣ.

Черезъ все предшествовавшее изложеніе мы утвердили тотъ фактъ, что всѣ приводимыя и рассмотрѣнныя постановленія соборовъ отнюдь не устраняютъ не только возможности, но даже необходимости избранія епископовъ клиромъ и народомъ церквей, такъ какъ иначе тѣ же соборы въ обсуждаемыхъ ими частныхъ случаяхъ не могли бы ставить условіемъ для рукоположенія или занятія епископскихъ кафедръ „предварительное избраніе“ всѣми будущими пасомыми или клиромъ и народомъ церквей. Но установка этого факта не даетъ намъ, однако, возможности всецѣло разобраться въ канонахъ, съ точностью опредѣлить, о чемъ именно въ нихъ говорится и даже перевести ихъ съ полнымъ сохраненіемъ вложеннаго въ нихъ смысла. Для того, чтобы достигнуть точнаго пониманія внутренняго смысла канонѡвъ, надо прежде всего отрѣшиться всецѣло отъ предположенія, что въ нихъ рѣчь идетъ объ избраніи епископовъ, а такое отрѣшеніе вынуждается какъ утвержденнымъ уже ранѣе фактомъ, что сами соборы почитали все излагаемое въ правилахъ не устраняющимъ предварительное избраніе „всѣми пасомыми“, такъ и тѣмъ, что въ числѣ употребляемыхъ канонами терминовъ нѣтъ ни одного, который обозначалъ бы избраніе, выборъ. Правда, такое значеніе имѣетъ самое слово хиротонія—классическій терминъ для обозначенія народнаго избранія въ демократической жизни Греціи. Но, предположивъ, что и въ канонахъ подъ хиротонією подразумѣвается избраніе, мы должны были бы заключить, что каноны не требуютъ рукоположенія епископа, а потому подъ хиротоніей можетъ и должно подразумѣваться только рукопо-

ложеиіе, каковой смысл несомнѣнно придается ему церковною практикою и церковными писателями.

Для того, чтобы разобратъся вполнѣ въ терминологию каноновъ по отношенію къ полученію или врученію епископскаго сана, опредѣлимъ прежде всего, что обозначаетъ ставленіе или поставленіе епископа, о которомъ говоритъ четвертое Никейское правило. (Епископу подобаетъ быть ставимымъ или поставляемымъ — *καθίστασθα...*). Антиохійское правило, являющееся повтореніемъ Никейскаго и служащее ему объясненіемъ, употребляетъ существительное—*κατάστασις*—поставленіе, постановка. Когда мы говоримъ, что кто-нибудь ставится вождемъ, начальникомъ и т. п., то предполагаемъ, что кто-либо дѣйствительно ставится на опредѣленное мѣсто, на примѣръ впереди войска, на извѣстное возвышеніе, какъ символъ власти и т. п. Если мы говоримъ, что кто-нибудь посаженъ судьей, то подразумеваемъ реальное или метафорическое помѣщеніе его на судейскій стулъ или судейское мѣсто. То же совершенно значеніе въ общественно государственной жизни Греціи имѣло и выраженіе *καθίστασθα*. Какъ техническій терминъ *κατάστασις* обозначаетъ поставку всадниковъ, которые не избирались и даже не назначались, такъ какъ служеніе это составляло повинность цѣлаго сословія, но *ставились*, такъ какъ только съ осмотра коня и всадника начиналась уплата имъ постоянного вознагражденія. *Κατάστασις* обозначаетъ также постановку пословъ передъ народное собраніе (Boeck. Haushaltung d. Athener. I, 269; II, 208). Только съ момента этого поставленія—*κατάστασις*—привлекаемый къ повинности вступалъ въ отправление своихъ правъ и обязанностей. Съ какаго же момента становится дѣйствительнымъ епископомъ избранный и рукоположенный въ это званіе. Въ чемъ состоитъ заключительный актъ врученія епископства. Приведемъ описаніе изъ книги „Постановленій Апостольскихъ“. „А на утро прочіе епископы пусть *полицаютъ* его на принадлежащій ему престолъ и всѣ привѣтствуютъ его цѣлованіемъ о Господѣ. По прочтеніи же закона и пророковъ, также... посланій и дѣяній и евангелій, рукоположенный пусть привѣтствуетъ Церковь, говоря: „благодать Господа Нашего Иисуса Христа“ и т. д. а всѣ пусть отвѣчаютъ: „и со духомъ твоимъ“, а послѣ привѣтствій пусть онъ проговоритъ народу слова назиданія“. Это возведеніе на престолъ прямо называется у церковныхъ писателей *κατάστασις εἰς τὸν θρόνον* (напр. Сократъ, II, 43). Григорій Богословъ въ похвальномъ словѣ Аванасію, говоритъ, что онъ поставленъ былъ на престолъ Еванголиста Марка и сталъ его пре-

емникомъ. Въ Дѣянiяхъ Халкидонскаго собора епископъ Олимпій повѣствуетъ, какъ оиъ приневоленъ былъ поставить на престолъ, помѣстить на престолъ Вассiана. Такимъ образомъ поставленiе, условiя котораго опредѣляетъ четвертый Никейскiй канонъ, обозначаетъ актъ возведенiя на престолъ, непосредственно слѣдующiй за рукоположенiемъ и знаменующiй полученiе власти и достоинства.

Условiя, предъявляемыя Никейскимъ и другими канонами для рукоположенiя и возведенiя на престолъ избраннаго во епископское достоинство, не могутъ быть выяснены во всей полнотѣ безъ предварительнаго опредѣленiя точнаго значенiя терминовъ *ψῆφος*, *ψήφισμα*, *ψηφίζεσθαι* и т. п. *Ψῆφος*—собственно камушекъ, подачею котораго голосовалось въ собранiи то или другое мнѣнiе или опредѣленiе, но никогда этотъ способъ подачи голосовъ не примѣнялся въ общественной жизни Греци къ избранiю служебныхъ лицъ, а всегда только къ судебному или законодательному рѣшенiю. Сообразно сему и въ переносномъ значенiи слово *ψῆφος* никогда не обозначаетъ выбора, избранiя, а всегда и исключительно только коллективное рѣшенiе, опредѣленiе, приговоръ, постановленiе. (Wachsmuth. Hellenische Alterthumskunde. I, 275—277). Совершенно также и на языкѣ каноновъ слово *ψῆφος* обозначаетъ приговоръ надъ лицомъ, оправданiе его или обвиненiе (5 прав. Никейскаго Собора). Слово *ψήφισμα*, употребленное въ 28 канонѣ Халкидонскаго Собора, въ прямомъ смыслѣ обозначаетъ приговоръ народнаго собранiя и въ переносномъ—приговоръ вообще (Wachsmuth. I, 453, 482, 534, 648).

Переводъ 4-го Никейскаго канона въ Книгѣ Правилъ совершенно не правиленъ не только въ лексическомъ, но и въ грамматическомъ отношенiи. По этому переводу требуется не только изъясненiе согласiя отсутствующихъ епископовъ области, но и выраженiе и подтвержденiе этого согласiя въ формѣ грамматъ. Подлинникъ же не говоритъ ни объ изъясненiи согласiя, ни о засвидѣтельствovaniи его посредствомъ грамматъ, а о самомъ фактѣ согласенiя. Выраженiе *συνψήφων ὑπομένων καὶ τῶν ἀπόντων, καὶ συνθεμένων διὰ γραμμάτων* значить буквально: послѣ того, какъ и отсутствующiе станутъ согласными и соединенными (совокупленными, сложившимися, сговорившимися) черезъ грамматы. Что же это за грамматы или посланiя. Прежде всего подобало митрополиту сзывать епископовъ области на поставленiе епископа во вдовствующую церковь черезъ посланiя (Антиох. 19). Эти грамматы требуютъ при-

бытія или письменнаго отвѣта, а въ случаѣ отсутствія того и другого, могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ вторичное письменное приглашеніе со стороны митрополита (Сард. 6). Такимъ образомъ рукоположенію и возведенію на престоль новаго епископа и прибытію для того нѣкоторыхъ епископовъ во вдовствующую церковь обязательно предшествуетъ по почину митрополита письменное сношеніе со всѣми епископами области. (*Τὸ δὲ κῆρος τῶν γινομένων διδοῦσαι καὶ ἐκάστην ἐπαρχίαν τῷ Μητροπολίτῃ*. Никейск., пр. 4. *Κῆρος*—сущность, сила, основаніе, поводъ, начало и только въ переносномъ уже значеніи—утвержденіе). Насколько въ нѣкоторыхъ случаяхъ оживленны были такія письменныя сношенія, свидѣтельствуется по поводу избранія Василія Великаго Григорій Богословъ въ похвальномъ словѣ своему отцу. Правило 19 Антіохійскаго Собора эту переписку выставляетъ орудіемъ и средствомъ, коимъ достигалось соглашеніе (*διὰ γραμματέων διοψήρουσ ἕνεσθαι*). О чемъ же велись письменныя сношенія, въ тѣхъ случаяхъ, когда не всѣ епископы области могли прибыть во вдовствующую церковь? О томъ ли, слѣдуетъ ли или не слѣдуетъ давать этой церкви какого бы то ни было епископа? Но это вовсе не представлялось вопросомъ. Испрашивалось ли согласіе ихъ на то, чтобы въ случаѣ ихъ отсутствія рукоположеніе и возведеніе на престоль совершены были тремя, заранѣе опредѣленными и отправленными на мѣсто епископами. Во всѣхъ памятникахъ церковной жизни мы не знаемъ ни одного намека на командировку трехъ епископовъ съ полномочіями или довѣренностями отъ другихъ. Число съѣзжавшихся бывало большимъ или меньшимъ, иногда даже не достаточнымъ, но нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы изъ съѣзжавшихся епископовъ нѣкоторые были специально уполномоченными, а другіе пріѣзжавшими только по собственному своему соизволенію. Совершенно наоборотъ, мы имѣемъ только доказательства противнаго. Отецъ Григорія Богослова по болѣзни не могъ ѣхать въ Кесарію для рукоположенія, но поѣхалъ, когда число съѣзжавшихся оказалось менѣе трехъ, поѣхалъ, не будучи къ тому уполномоченнымъ, какъ очевидно, не были уполномочены и двое съѣзжавшихся. Епископъ Олимпій по дѣлу Вассіана на Халкидонскомъ соборѣ говоритъ, что онъ прибылъ въ Ефесъ для рукоположенія, но какъ видно, не состоя уполномоченнымъ и не вѣдая, что есть трое уполномоченныхъ для сего, чего не могъ бы не знать, если бы это состояло предметомъ письменнаго сношенія. Онъ поджидалъ пріѣзда епископовъ вообще и указывалъ на это собору, но не ожидалъ пріѣзда трехъ уполно-

моченныхъ в не указываетъ на это обстоятельство собору. Очевидно, что грамматамъ никоимъ образомъ нельзя придавать значеніе довѣренности и полномочій. Такимъ образомъ сношеніе посредствомъ грамматъ можетъ относиться только къ согласію или несогласію на рукоположеніе и возведеніе на престолъ уже избраннаго, опредѣленнаго кандидата, т. е. можетъ слѣдовать только за избраніемъ. Это согласіе не составляетъ приговоръ, рѣшеніе (*ψήφος*) большинства или всѣхъ (Антиох. 19).

Прежде, чѣмъ свести итоги всему изложенному по отношенію къ тому ряду дѣйствій, вѣнцомъ и заключеніемъ которыхъ является возведеніе на епископскій престолъ, обратимъ вниманіе, что и въ самихъ правилахъ есть прямыя указанія на избраніе епископовъ народомъ,—указанія, которыя однако, только въ свѣтѣ свидѣтельствъ самихъ соборовъ, ранѣ приведенныхъ, получаютъ полную очевидность. Правило Карфагенскаго Собора (50-е, по латинскому подлиннику) прямо указываетъ, что епископы собираются во вдовствующую церковь не для производства выборовъ, а для „оправданія выбора уже совершившагося“. Если во время избранія епископа произойдетъ какое либо прецедентное дѣло (такъ какъ подобныя дѣла были уже у насъ на разсмотрѣніи), то дерзновенно будетъ для оправданія выбора ограничиться тремя только епископами; но къ вышеуказанному числу слѣдуетъ присоединить одного или двухъ епископовъ и потомъ въ присутствіи самой паствы, для которой имѣеть быть рукоположенъ избираемый, прежде всего изслѣдовать, что за личности—тѣ, которые прекословятъ, а затѣмъ присовокупить и разсмотрѣть заявленія ихъ; и когда избираемый явится чистымъ передъ лицомъ народа, тогда уже да рукоположится“ (Дѣянія девяти помѣст. соборовъ. Казань. 1901 г. стр. 89). Въ этомъ правилѣ къ дѣйствіямъ собравшихся епископовъ, кромѣ рукоположенія и возведенія на престолъ, присоединяется еще и „провѣрка выборовъ“ или испытаніе и одобреніе посредствомъ свидѣтельствъ, такъ называемая *δοκιμια*, канонами несомнѣнно подразумѣваемая, такъ какъ о ней свидѣлствуютъ церковные памятники отъ Апостола Павла и Климента Римскаго. О томъ же одобреніи говорятъ и рукополагавшіе Аванасія египетскіе епископы въ приведенныхъ ранѣ словахъ посланія. Шестое правило Сардикійскаго собора говоритъ о случаѣ, когда одинъ изъ епископовъ области отсутствуетъ и по какой либо безопасности не захотѣлъ придти вмѣстѣ съ другими (*συνέλθειν*) и вмѣстѣ съ другими одобрить (*συναινῆσαι*) постановленіе, а собрав-

шіяся множества (*τὰ πλήθη*) станутъ просить, чтобы совершилось постановленіе желаемого ими епископа.

Установивъ точное значеніе терминовъ, коими въ канонахъ опредѣляются отдѣльные моменты пріобрѣтенія епископскаго достоинства (*τὰ γινόμενα*), мы можемъ съ точностью возстановить неписанный, или по крайней мѣрѣ до насъ не сохранившійся канонъ, на которомъ основываются рѣшенія вселенскихъ соборовъ по частнымъ случаямъ, которымъ руководствуется практика древней Церкви и безъ котораго писанные каноны, какъ имѣющіе отношеніе только къ одобренію, рукоположенію и возведенію на престолъ уже нареченнаго, намѣченнаго епископа. Равнымъ образомъ пріобрѣтаемъ мы возможность дать совершенно точный и правильный переводъ и канона писаннаго. Все въ дѣлѣ пріобрѣтенія епископскаго достоинства сводится къ слѣдующимъ двумъ правиламъ:

I) Епископъ одобряется всѣми будущими его пасомыми или клиромъ и народомъ Церкви ¹⁾.

II) Епископу подобаетъ быть возводимымъ на престолъ преимущественно черезъ всѣхъ епископовъ въ области; а если это по необходимости или по дальности пути будетъ затруднительно, то трое на оное да соберутся, послѣ того какъ и отсутствующіе согласятся и сговорятся посредствомъ грамматъ. Тогда совершать рукоположеніе. Митрополиту же давать по каждой области починъ совершающихся дѣйствій (4-ое прав. Никейскаго соб. Ср. 19-ое Антиохійскаго) ²⁾.

Совмѣстнымъ вліяніемъ этихъ двухъ канонѳвъ, изъ коихъ одинъ въ видѣ писанной формулы до насъ не сохранился, но легко можетъ быть возстановленъ изъ соборныхъ рѣшеній, опредѣляется вся практика древней Церкви. Въ томъ же, что Никейскій соборъ отнюдь не выступилъ въ качествѣ перваго законодателя, но имѣлъ позади себя уже цѣлый сводъ каноническихъ постановленій, не можетъ

¹⁾ Послavia Никейскаго и Константинопольскаго Вселенскихъ соборовъ. Постановленіе Никейскаго собора о замѣнѣ низложенныхъ арианскихъ епископовъ православными. Рѣшеніе Халкидонскаго Вселенскаго Собора по дѣлу митрополита Вассіана.

²⁾ Всел. Соб. *Κανὼν δ',—Ἐπίσκοπον προσήκει μάλιστα μὲν ἐπὶ πάντων τῶν ἐν τῇ ἐπαρχίᾳ ἐπισκόπων καθίστασθαι εἰ δὲ δυσχερές εἴη τὸ τοιοῦτο, ἢ διὰ κατεπίγουσαν ἀνάγκην, ἢ διὰ μῆκος ὁδοῦ.—ἐξ ἄπαντος τρεῖς ἐπὶ τὸ αὐτὸ συναχόμενος, συμπύφων γινόμενος καὶ τῶν ἀπόντων, καὶ συντεθειμένων διὰ γραμμάτων. Τότε τὴν χειροτονίαν ποιῆσθαι. Τὸ δὲ κῆρος τῶν γινόμενων διδοσθαι καθ' ἑκάστην ἐπαρχίαν τῷ Μητροπολίτῃ.*

быть никакого сомнѣнія. Большая часть правилъ его опирается на каноны и требуетъ неукоснительнаго ихъ примѣненія къ жизни (пр. 1. 2. 5. 9. 10. 13. 15. 16) или на равносильный канону общій и древній обычай (Пр. 6. 7. 20). „Не теперь, пишетъ Аѳанасій Великій, ровно черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ Никейскаго собора,— не теперь даны каноны и уставы церквамъ, но прекрасно и твердо преданы отцами нашими“ (Творенія, I, 277). И такіе каноны существовали, по словамъ его, именно по отношенію къ тому самому постановленію епископовъ, о которомъ говорить и четвертое правило Никейскаго собора. „Если бы и дѣйствительно, говорить онъ, имѣла силу какая нибудь на меня жалоба, то не аріанину..., но по церковнымъ канонамъ и по слову Павлову—собравшемуся народу и тѣмъ, которые пріяли власть отъ Духа..., надлежало законно все изслѣдовать и произвести въ присутствіи изъявляющихъ свое требованіе мірянъ и клириковъ; постороннему же, при содѣйствіи арианъ, какъ бы купивъ имя епископа, *гдѣ не просили*, не имѣли въ намѣреніи и вовсе не знали дѣла, не должно было вторгаться въ Церковь, по предстательству и по принужденію мірскихъ судей. Ибо все это нарушаетъ *церковные каноны* и вынуждаетъ язычниковъ хулить и подозрѣвать, что *постановленія* совершаются у насъ не по *Божественному закону*, а вслѣдствіе купли и по ходатайству“ (Творен. I, 279). „Не надлежало, говорить въ приводимомъ у Аѳанасія посланіи папа Юлій, дѣлать *постановленія* (т. е. Григорія, въ случаѣ, если бы Аѳанасій былъ законно низложенъ соборомъ) такъ *противозаконно и несогласно съ церковными законами*; а должно было епископомъ этой епархіи *поставить* кого либо изъ той же церкви, изъ этого же святилища, изъ этого же клира, и въ нынѣшнее время *не нарушать канонозъ*, ведущихъ начало отъ апостоловъ“ (Творенія, I, 323).

Изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ неоспоримо явствуетъ существованіе слѣдующихъ нарушенныхъ аріанами до-Никейскихъ канонозъ, завѣщанныхъ отцами, ведущихъ начало свое отъ Апостоловъ и очевидно и послѣ собора сохранявшихъ обязательное значеніе, ибо иначе и дѣйствія арианъ не представлялись бы нарушеніемъ канонозъ.

1) Поставляемый епископъ долженъ быть испрошенъ народомъ (ср. Сард. пр. 6).

2) Поставленіе по вмѣшательству или требованію мірскихъ начальниковъ не дѣйствительно.

3) Поставленіе совершается въ самой вдовствующей церкви

надъ лицомъ изъ той же церкви и принадлежащими къ клиру ея и святилищу.

4) Разслѣдованіе по жалобамъ на епископа производится собравшимся народомъ и епископами въ присутствіи изъясляющихъ свои требованія мирянь и клириковъ. Это—по церковному канону и слову Павлову.

Такимъ образомъ Никейскій соборъ отнюдь не отмѣнилъ и не упразднилъ ранѣе его дѣйствовавшихъ относительно постановленія епископовъ канонѡвъ, но, подразумѣвая ихъ, добавилъ новымъ правиломъ, не идущимъ наперекоръ имъ, но предусматривающимъ нѣкоторыя подробности (достаточность трехъ для рукоположенія, участіе митрополита, письменныя сношенія). Вполнѣ допустимо, однако, предположеніе, что соборъ вовсе не далъ совершенно новаго правила, а только возстановилъ одно изъ старыхъ, умолчавъ обо всѣхъ остальныхъ къ поставленію относящихся правилъ. Участіе „троихъ“ Карфагенскій соборъ называетъ „древнимъ чиномъ“, не приписывая установленіе его Никейскому собору. (Дѣянія 9 Пом. Соб. стр. 81). „Постановленія Апостольскія“ главенство или починъ всего совершающагося, т. е. *κῆρος τῶν γινομένων*, по Никейскому правилу, предоставляет старшему среди епископовъ (*ὁ πρόεδρος*), подъ которымъ можно понимать какъ старшаго по избранію, прежде всѣхъ избраннаго, что и обозначаетъ самое слово, такъ и старшаго вообще или митрополита. (Апост. Пост. VIII, 6).

Мы говорили уже, что *ψῆφος* никогда не обозначаетъ выборовъ какъ дѣйствія еще совершающагося или имѣющаго совершиться, но результатъ выборовъ, признаніе выборовъ состоявшимися. Указаніе на лицо, какъ на избранное, всегда называется не иначе, какъ приговоромъ, рѣшеніемъ, опредѣленіемъ (*ψῆφος*) клира и народа, какъ говорится о приговорѣ собора епископовъ. Такъ о поставленныхъ на мѣсто низложенныхъ арианъ православныхъ епископахъ Никейскій соборъ говоритъ, что они поставлены „приговоромъ (*ψῆφος*) собора и клира и народа каждой парохіи (*ψῆφος τῆς αὐτῆς ἐκκλῆσιας καὶ τοῦ τῆς ἐκείνης παροικίας κλήρον καὶ λαόν*). Gelasius Cuzic. II, 23). Неизвѣстный древній биографъ Аванасія Великаго говоритъ, что „священство (подразумѣв. епископство) ввѣрено ему было приговоромъ (*ψῆφος*) всего народа. (Suicer. Thesaurus Eccles. 1181). Такимъ образомъ для поставленія епископскаго мы должны различать наличность двухъ приговорѡвъ не исключających, но восполняющихъ другъ друга: приговоръ собора епископовъ или всѣхъ епископовъ области, соглашающихся на рукоположеніе избраннаго, о

чемъ собственно и говорить четвертый Никейскій канонъ, и приговоръ клира и народа самой вдовствующей церкви. Этимъ м. объясняется, почему 28-ое правило Халкидонскаго собора говорить о приговорѣ, предшествующемъ рукоположенію, не въ единственномъ, а во множественномъ числѣ. Если бы оно говорило только о приговорѣ епископовъ, то опиралось бы на Никейскій канонъ, но, такъ какъ оно имѣетъ въ виду и устанавлиющій избраніе „всѣми пасомыми“ приговоръ клира и народа, то опирается на обычай т. е. на неписанный или не изложенный, но упомянутый соборомъ канонъ.
